

ПЕССА КАУРИ

СТРЕКОЗА ДЛЯ ПОКОЙНИКА

Annotation

Лука — обычная девушка, которая жила в обычной семье и не особенно задумывалась о будущем, до тех пор пока ни пришла пора покинуть отчий дом и отправиться на поиски самостоятельной жизни в мир, полный загадок.

Стоит ли знакомиться с девушками на кладбищах, устраиваться официанткой в закрытый клуб, о котором ходят нехорошие городские легенды, слушать истории о монстрах, а главное — стоит ли познавать себя самого, Лука узнает, пройдя огонь, воду и медные трубы, подвергая опасности свои и чужие жизни, пытаясь отличить настоящую любовь от обмана и исправляя ошибки — те, которые еще можно исправить. В этом ей помогут верные друзья, неадекватные враги, кот Вольдемар, призраки и прочая нечисть.

Лесса Каури

Стрекоза для покойника

© Каури Л., 2017

© Оформление. ООО «Издательство „Э“», 2017

Часть первая

Правда для Луки

Ну что это за имя такое — Лукерья? Это же цыпакалипсис, а не имя! Даже Василиса звучит лучше. Васька — это ассоциация с котом, причем веселая ассоциация. А Луша — с чем ассоциируется? С курицей-несушкой! Фу...

Одеяло сбилось в ногах, и Лука, сердито зашипев, сбросила его на пол. Ей всегда было жарко, когда она злилась или сильно переживала. Будто внутри кто-то разжигал костер и — добренький! — подкидывал дровишек, следя, чтобы огонь не потух.

Размышления о несчастливой природе собственного имени посещали девушку в минуты крайнего душевного раздрая. Нынче вечером младшему брату Темке делали операцию: собирали сломанную в автокатастрофе ногу буквально по кусочкам и нанизывали их на какие-то спицы. Операция прошла успешно — измученная слезами и ожиданием мать вернулась домой, отец остался дежурить в больнице до утра. Сестра в больницу не поехала...

Мучительно сжав веки, Лука попыталась уснуть, однако от жары даже дышать было тяжело. Выругавшись, девушка вскочила, нашарила в рюкзаке, валявшемся на полу, пачку сигарет и зажигалку, а потом подошла к окну и открыла его настежь. Прохлада приятно коснулась разгоряченной кожи — Лука спала обнаженной. На горизонте собирались тучи, и огненными лисами играли зарницы. Несмотря на октябрь, духота стояла, как перед майской грозой.

Она затянулась без особого наслаждения. Курила редко. Однажды заметила, какой релаксирующий эффект оказывает на нее обычный табак, но, поскольку терпеть не могла от чего-либо зависеть, на него не под села, пользуясь лишь в крайних случаях. Ощущение того, что сигарета зависит от нее, а не она от сигареты, казалось ей восхитительным. Так же, как и воспоминания, которые она бережно хранила в сердце. Рутинка — детский сад, школа — забывалась, а они отчего-то представлялись ей разноцветными гладкими камушками, которые так приятно было перебирать, подкидывать, катать. Да что там! Просто смотреть на них было удовольствием! Первый, нежно-голубой, гладкий и чуть вытянутый гольш — маленькая Лука, с удовольствием плещущая ладошками по воде, тревожа желтые березовые листья на поверхности, заводя волшебные водоворотики, в которых отражалось небо. «Детка, ты опять возишься в холодной воде! Простудишься! Ну что за наказание!» — это мамин голос. Мама никак не хочет понять, какой это восторг — играть с водой, ведь она вовсе не холодная, а ласковая, как мамины ладони, и живая, как соседский хомяк Фродо. И Лукерья снова и снова лезет в лужу, пока не зачерпывает в сапожок и не получает за это по попе.

Камень второй — шероховатый, коричневатый, с маслянистым блеском. Луке пять. Вместе с другими ребятами на берегу канавы на даче она вычерпывает столовой ложкой глину из-под берега и пытается слепить кого-нибудь. Рядом с Валеркой Лебедевым уже лежат черепашка и заяц, а у нее ничего не получается.

— Ты головастика слепи! — снисходительно советует дружок. Ему шесть, и он ощущает себя старше и умнее. — У него только голова и хвост!

И Лука старательно лепит головастика, мнет скользкую глину, злится на хвост — получается не тонким, а с какой-то бахромой! Ей жарко, пот заливает глаза, а головастик вдруг вздрагивает в ее ладонях, оживает и прыгает в воду. Она испуганно оглядывается: не

видел ли кто? Но мальчишкам уже надоело возиться в грязи, и они, отойдя на песчаный спуск, плещутся всюду на мелководе, прогретом ласковым летним солнцем. Толстый головастик выписывает круги под поверхностью воды и покачивается, как большая подводная лодка, солидно и жизнеутверждающе! А в душе Луки растет, ширится восторг, от которого хочется кричать!

Третий камень красивый, но пугающий. Он похож на осколок янтаря, внутри которого дрожит пламя. Такие же языки огня плясали на почерневших бревнах в дачной печке, и к ним десятилетняя Лукерья протянула ладони — приятно было тепло, с которым они ластились к коже, щекоча пальцы. «Тем, это не больно! — говорит она. — Видишь? Совсем!» Пятилетний брат доверяет ей — потому протягивает руку прямо в огонь, но тут же отдергивает и заливается плачем. Его пальцы красные, кожа сморщилась...

Лука затянулась до боли в легких. Тогда она не поняла, что случилось. А вот вчера... Между сестрой, замкнувшейся в себе, и братом в «дурацком» возрасте ссоры — обычное дело. Он обозвал ее дурой, она его — имбецилом. Он ее — сукой, она его — уродцем. Он ее — ведьмой, она его... «Чтоб тебя приподняло и шлепнуло!» — прошипела она в ответ, направив на него скрюченные пальцы. Коротко стриженные ногти с черным маникюром выглядели угрожающе. «Кошка бешеная!» — констатировал брат и позорно бежал к друзьям, прихватив мотороллер.

Как произошла авария, родителям сообщили свидетели. Налетел неожиданный ураганный порыв ветра, сбивший мотороллер и буквально кинувший его вместе с седоком на капот проезжающей мимо иномарки. Хорошо хоть на, а не под!

Вспомнив лицо матери, прижавшей к уху мобильник, Лука яростно смяла сигарету и выкинула в окно. Сползла под подоконник, обхватив голову руками. Гроза приближалась. Гроза, всегда доставлявшая ей удовольствие большее, чем редкий случайный секс, сейчас не дарит радость раскатами и мощью. По подоконнику застучало. Холодные капли залетали в комнату, падали на обнаженную узкую спину девушки.

В коридоре зажегся свет.

— Луша!

Она не успела нырнуть в кровать, когда открылась дверь. Так и застыла посередине комнаты — голая, в отсветах небесного пламени.

— Что-то потянуло... У тебя окно... — начала мать с порога и замолчала, увидев голую Луку с ненормально огромными зрачками.

Рванулась к дочери, схватила за руки, стала поворачивать к неверному свету.

— Мама... мама? Мам, ты чего? — заорала испуганная дочь. Лицо у матери было заплаканное и застывшее, как студень.

— Господи, за что мне еще и дочь-наркоманка? — кричала Валентина Игоревна, таща упирающуюся девушку в коридор, где горел свет. — Руки покажи, покажи руки!

— Да ты чего, мам, вообще? — рявкнула Лука, вырываясь. Прошлепала в коридор, сунула матери под нос нетронутые вены на сгибе локтя. — На, смотри! Совсем спятила!..

Удар по щеке заставил ее замолчать.

— Твой брат едва не погиб! — свистящим шепотом сказала Валентина. — Прояви хоть каплю уважения к матери!

Луку захлестнула жара. Душная, тропическая, яростная.

— А ты ко мне уважение проявила? — закричала она, с ужасом понимая, что ее несет, но остановиться она не может. — Ты бы хоть постучалась! Мало ли чем я занимаюсь в

СВОЕЙ комнате!

Оглушительный удар грома будто расколол небосвод. Испуганно охнув, мать схватилась за голову. Шум дождя придвинулся, в комнату через открытое окно уже лился целый водопад.

— Права была Лия, когда отговаривала меня брать ребенка из детдома! — неожиданно твердым голосом сказала Валентина. — Запомни, Лукерья, здесь ничего твоего нет!

Лука вдруг осознала, что стоит перед матерью голой. Свет стал слишком ярким, она враз увидела свои длинные худые ноги, и пирсинг-черепушку в пупке, и жалкие, съезжившиеся соски... Отступила в комнату, в спасительную темноту. И отступала до тех пор, пока не уперлась ягодицами в подоконник и не спросила пересохшими враз губами:

— Что?!

Силуэт матери в освещенном проеме напоминал карающего ангела, правда, без меча.

— Мы с отцом взяли тебя на воспитание... Думали, вырастет чудесная, добрая девочка. Платья, бантики... — Голос звучал устало, как заезженная пластинка. — А выросла ты... Колючая, неласковая, дерзкая! Одеваешься, как сатанистка! И брата все время подбивала на пакости всякие... Помнишь, как он из-за тебя руку обжег? Шрамы до сих пор на пальцах остались! А как ты к уличной стае собак пошла? И его с собой потащила? Они вас чуть не разорвали!

— Да они... — начала было Лука и замолчала.

Разве объяснишь, что она в собаках агрессии не чувствовала, лишь желание получить искреннюю детскую ласку и восторг в глазах! Впрочем, сейчас это было уже неважно. Важными были слова матери... Женщины, которую она всю сознательную жизнь считала матерью!

— Насчет детдома — это правда?

Силуэт исчез из дверного проема. Свет в коридоре погас. Издалека донеслись глухие рыдания и сдавленное:

— Правда. Живи как знаешь!

Лука пришла в себя только спустя несколько минут, вся мокрая как мышь от бьющего в открытое окно дождя. Гроза уходила, оставив на асфальте потоки, поломанные ветви и вымокший мусор. Она не только освежила воздух, но и вымыла все мысли из головы. Лишь одно слово билось, будто птица в клетке: «Правда! Правда! Правда!»

* * *

Она пришла в больницу к десяти.

С шести утра, когда вся пачка сигарет была скурена до боли в желудке, нужные вещи собраны в любимый рюкзак, а решимость уйти куда глаза глядят приобрела необходимую твердость, Лука шлялась по улицам, раздумывая, к кому из знакомых попроситься переночевать. Подруги потерпят пару ночей, парни... Ясно, чем это кончится. Изобразить неземную любовь, чтобы остаться подольше? А потом куда? На вокзал? На трассу? Даже если она найдет работу, снять хотя бы комнату не так просто!

— Бахилы надень! — сердито прикрикнула старушка-санитарка в приемном. — Десять рублей!

Когда деньги есть, о десяти рублях как-то не задумываешься. Но когда в кошельке лежат все сбережения, а других не предвидится...

Брат лежал в постоперационной и казался мумией, сросшейся с живым человеком, — половина тела и голова забинтованы. Отца рядом не было, наверное, спустился в кафешку рядом с больницей, выпить кофе.

— Чего смотришь, людоедка? — шепотом поинтересовался он. — Ну побился, подумаешь!

— Имбецил! — привычно, но беззлобно сказала Лука и, пройдя в палату, села на стульчик. — Очень больно?

Артем героически поморщился и ничего не ответил.

— Ты здесь надолго? Что врачи говорят? — спросила она.

— Минимум месяц! — вздохнул брат.

— А роллер?..

— Не знаю пока... Отец молчит, значит, все плохо.

— Да... Тем, я из дома ушла. Можешь мой комп себе забирать со всеми потрохами, авось пригодится, на запчасти.

Компьютерной техникой брат увлекался с детства, мог из любой кучи железа собрать рабочую машину, чем иногда подрабатывал. Поэтому компьютер Луки ему бы пригодился.

Брат вытаращился. В сочетании с бинтами выпученные голубые глаза выглядели презабавно.

— Лука, ты чего?

Она встала, выглянула в коридор, прислушалась. Наверняка вот-вот подойдут родители, а с ними встречаться не хотелось. Говорить было не о чем. Вернулась. Неожиданно склонилась над братом и поцеловала его в лоб.

— Давай потом об этом. Когда тебе лучше станет. Номер у меня тот же, звони, пиши, как сможешь!

Лука развернулась и быстро вышла, не обращая внимания на протестующие вопли Артема. Услышав знакомые голоса, едва успела заскочить в подсобку с кучей грязного белья, как из-за поворота показались мрачный отец и заплаканная мать. В сердце что-то лопнуло со звоном, будто хрустальный колокольчик разбился. Не броситься к ним, не прижаться... Чужие люди! Метнулась прочь — не к лифтам, а по лестнице, выскочила из больничного крыла, как была, в трогательных голубых бахилах. Нырнула в какие-то чугунные, гостеприимно распахнутые ворота и очутилась... на кладбище. И поразились царящей здесь тишине и покою. Словно и не было там, за кирпичной кладкой стены, запруженной машинами улицы.

Бахилы отправились в первое попавшееся мусорное ведро. Лука медленно шла по аллеям, разглядывая могилы и поражаясь их разнообразию. Как в мире людей — эти гордецы, эти — скромняги, вот — для большой крепкой семьи, а эта — для одинокой барышни. Ангел с опущенными крыльями... Покосившийся крест... Забытая могила.

Здесь Лука и присела — на облезлую лавочку. Достала из рюкзака бутерброд и термос с кофе, отсалютовала стаканчиком-крышечкой неведомому покойнику.

— Твое здоровье, прах! Господи, как тошно! Тебе там тоже?

Ясное дело, могила молчала. Она была усыпана ковром из листьев так, что обломки камня едва угадывались под ними.

— С покойниками говоришь? Уважаю! — раздался звонкий голос.

На дорожке стояла высокая красивая деваха из тех, которых парни называют дерзкими — брови взлет, голубые шальные глаза, густо обведенные черным, ресницы, потерявшиеся

в туши вамп, губы — мечта извращенца. На ней были черные джинсы, ботинки до колена и кожаная мотоциклетная куртка. Длинные каштановые волосы собраны в высокий хвост. На руке висел шлем, странно смотрящийся рядом с изящным дамским рюкзаком.

— У тебя здесь кто? — Незнакомка кивнула на могилку. — Древние предки?

Лука невольно фыркнула. Подняла термос.

— Хочешь кофе? Я подвинусь.

— А давай!

Деваха села рядом, придержала второй, ненужный Луке стаканчик-крышечку, пока та наливала кофе. Чокнулась с ней, представилась:

— Меня Муней зовут. Так кто у тебя тут?

— Лука, — представилась та, гадая, как звучит настоящее имя Муни. — Никто. Просто так сiju.

— Просто так на кладбище даже вороны не сидят! — рассудительно заметила Муня. — Вообще-то я — Мария. Но боже упаси тебя называть меня Машей, Маней, Марусей или Манечкой! Вырву глаз!

— А я тебе зуб выбью, — развеселилась Лука. — Правда, я тоже не терплю, когда меня зовут Лукерьей или Лушей!

— Круто! — восхитилась Муня. — Я тоже хочу быть Лукерьей!

— Будь, — грустно улыбнулась Лука и отпила кофе, — а я не буду!

— Чего у тебя случилось-то, подруга? — с искренней заботой поинтересовалась новая знакомая. — Расскажи... Может, я помогу чем?

Лука приготовилась изобразить неприступность и гордость, но... открыла рот и рассказала все, кроме истинной причины аварии брата. Тайна собственного происхождения так и жгла сердце, а безобразную сцену, произошедшую ночью, буквально хотелось выbleвать и забыть навсегда.

Муня слушала внимательно. Лишь один раз отобрала у рассказчицы кофе, выплеснула себе остатки в крышечку. Когда Лука замолчала, она посмотрела на нее как-то странно, помолчала и сказала медленно:

— Давай еще раз, и поподробней. Вот с того момента, про огонь... Что-нибудь раньше с тобой подобное случалось? Ну типа чудес?

Луке в голову закралась мысль, что новая знакомая немного не в себе. Она тщательно оглядела ее с ног до головы. От девахи разило респектабельностью, которую та тщетно пыталась прикрыть уличным прикидом. И веяло еще чем-то, чему девушка не могла пока дать название. Может, это и есть безумие?

— Понятно! Ты зависла! Требуется перезагрузка! — констатировала Муня. — Поехали!

И поднялась так стремительно, что Лука даже не успела понять, как термос оказался в рюкзаке, рюкзак — у нее на плечах, а она сама была схвачена за руку и потащена в сторону выхода.

Водила Муня классно. Легко перестраивалась, лавировала между машинами в таких узких пространствах, что у ни разу не катавшейся на мотоцикле Луки горло перехватывало от ужаса и восторга. Она так цеплялась за Мунину талию, что та пару раз двинула ее локтем под ребро и прокричала:

— Ослабь! Придушишь, дурная!

Мотоцикл — гладкий, с плавными обводами, рычащий, как крупный хищник, — зарулил во двор сталинского дома, остановился в подворотне, перекрытой решеткой. Мигнула

красным глазком камера под аркой, что-то пискнуло, и створки разошлись. Глубоко рокоча, зверь с пламенным мотором вместо сердца вполз во внутренний двор. Лука, открыв рот, оглядывалась. Будто в другой мир попала. Здесь были разбиты маленькие газоны, на которых красовались альпийские горки и пламенели японские клены и еще какие-то небольшие деревца с листьями багрово-красными, как траурный бархат. Из аккуратной будочки спешил к ним охранник, которому Муня, приветливо поздоровавшись, бросила ключи от мотоцикла. Нетерпеливо притоптывая ногой, дождалась, когда Лука слезет с сиденья, снова схватила ее за руку и потащила в один из подъездов. За мощную дубовую дверь с увитым чеканным плющом кольцом, вверх по мраморной лестнице с ажурными перилами, игнорируя лифт, который выглядел слишком новым для этого полного истории дома.

Открыв затейливым ключом дверь, Муня с порога крикнула:

— Ма-а-ам? Ты дома? У меня гости!

Из просторной прихожей, которую, наверное, надо было бы называть величественным словом «холл», уходил в глубь огромной квартиры широкий коридор, вымощенный шикарным паркетом. По обеим сторонам скрывались за занавесями из какой-то бархатистой ткани, расшитой золотыми нитями, двери в комнаты. В полумраке нити загадочно посверкивали. Одна из портьер колыхнулась, выпустив даму в шелковом, расшитом райскими птицами халате и шлепанцах с помпонами. Несмотря на «домашний» стиль одежды, выглядела дама так, словно собиралась на посольский прием.

— Привет, девочки! — улыбнулась она, подходя и оглядывая Луку с головы до ног.

На мгновение той стало стыдно — за джинсы в булавках, за футболку со слюнявым зомби, за черные короткие ногти и встрепанную прическу. Но затем она вскинула голову, как норовистая лошадь, и посмотрела даме прямо в невероятной красоты голубые глаза. Дочь, видимо, удалась в нее.

— Меня зовут Этьенна Вильевна, — едва уловимо усмехнулась та, — но друзья Мунечки называют просто Этьенной. А ты?..

— Лука, — опередила ее Муня, — мы познакомились на кладбище, и она...

Дама приподняла ухоженную тонкую бровь, и дочь замолчала.

— В холодильнике полно еды, — улыбнулась ей Этьенна, — мне кажется, Луке не помешает перекусить и выспаться. Девонька, комната для гостей в твоём полном распоряжении!

Лука так растерялась от увиденного, что просто кивнула, напрочь позабыв о слове «спасибо». После бессонной ночи в голове шумело, видимо, оттого пространство стало играть с ней странные шутки — стены коридора кривились, золотые нити в портьерах показались раскаленными проволоками, а на многочисленных декоративных тарелочках на стенах, явно привезенных из разных стран, задрожали рисунки, будто намереваясь ожить.

Девушка отчаянно зажмурилась и потрясла головой, чтобы избавиться от морока.

— Есть и спать! — констатировала Муня, доставая из пузатого комода и кидая ей пушистые тапки. — Давай рюкзак, отнесу в комнату!

Лука повиновалась. Ее кроссы остались беседовать с Муниными берцами, стоя в шикарной зеркальной обувнице, а она сама отправилась на кухню, поразившую ее своими размерами, белой с золотом мебелью и огромным рабочим столом со встроенной плитой и варочной панелью, стоящим посередине.

Муня усадила ее за обеденный стол, который располагался в той части кухни, что когда-то была балконом. Сейчас отсюда, через панорамные рамы, дворик внизу был прекрасно

виден и казался морем, в котором то тут, то там возвышались рубиново-зеленые островки.

После сытного завтрака, состоявшего из яичницы с беконом, блинчиков со сгущенкой и огромной чашки кофе с молоком и карамельным сиропом, Луке отчаянно захотелось спать. Во время еды Муня с разговорами не лезла, вот и сейчас молча вздернула ее за шкурку и отвела в просторную светлую комнату.

— Здесь, — она открыла белую дверь, — санузел с душем. Кровать и шкаф ты и сама видишь. Ложись давай. На тебе лица нет! Вечером подумаем, как тебе помочь!

И, развернувшись, собралась выйти из комнаты.

— Муня! — опомнилась Лука. — Спасибо!

Та легкомысленно махнула рукой и ушла, тщательно прикрыв дверь.

Лука упала на кровать. Рюкзак стоял рядом, и она нашарила в нем телефон, звук и вибрация в котором были отключены еще с утра. Увидев количество пропущенных вызовов, болезненно скривилась. Звонили родители. Брат. Подружки по универу. Даже один одноклассник, с которым у них когда-то что-то было. Вот ведь чудик!.. Сейчас все казалось пустым и ненужным. Была у нее, Луки, жизнь — и вдруг разбилась, как зеркало, да на такие мельчайшие осколки, не собрать. А где взять новую?

С этими мыслями она и уснула. Во сне хмурилась и постанывала, не проснувшись, когда в комнату бесшумно вошла Этьенна Вильевна и остановилась у кровати, вглядываясь в гостью так, будто пыталась разыскать в тайнике тела — душу.

Зрачки хозяйки дома лунно блестели.

* * *

Сквозь сон Лука услышала, нет, почувствовала, как открылась дверь и в комнату проникло нечто, дышащее тяжело, натужно и страшно. Она враз вспомнила события прошедшей ночи и дня, обозвала себя идиоткой за то, что пошла в неизвестное место с незнакомой девкой, и едва не заорала от ужаса — попала в дом к монстрам, и один из них подбирается все ближе! Между тем чудовище запрыгнуло на кровать...

Матрас дрогнул под тяжестью...

Предсмертный хрип раздавался все ближе...

Лука зареклась носить футболки с изображением зомби. Отчаянно зажмурившись, она представляла, как склоняется над ней ужасная сопящая и хрипящая тварь, как вдруг щеки ласково коснулось что-то мокрое. С опаской приподняв веки, девушка обнаружила рядом два похожих на маслины глаза, умильно смотрящих на нее с черной бархатной маски.

— Ты кто? — с опаской спросила Лука.

«Монстр», дружелюбно хрюкнув, снова лизнул ее в щеку теплым языком и упал рядом, подставляя упитанное пуздо. Она помедлила, а затем потрепала пуздо, вызвав очередной каскад «предсмертных хрипов».

В комнату заглянула Муня.

— О, вижу, Семен Семеныч тебя уже разбудил! Плохая собака!

Семен Семеныч, при ближайшем рассмотрении оказавшийся мопсом, покосил на нее глазом, как бешеная лошадь, и утвердительно хрюкнул. Он был согласен называться плохой собакой, лишь бы ему продолжали чесать пузо!

— Классный! — сказала Лука, приподнимаясь на локте и разглядывая бежевое

упитанное тело пса, отдохновенно раскинутые лапы и вяло шевелящийся хвост. — Семен Семеныч, значит? Будем знакомы!

— Его папа в клинику возил, клеща из уха вытаскивать, — сообщила Муня, заходя в комнату и садясь на кровать. — А то бы ты с ним раньше всех познакомилась: без его фейсконтроля ни один человек сюда не входит! Вставай давай! Чаю выпьем, и отвезу тебя кое-куда, познакомлю кое с кем. Ты к работе официантки как относишься?

Лука почесала в затылке. Универ, наверное, придется бросить, но Муня права — с чего-то надо начинать! Раз она теперь сама по себе...

На ее лице, видимо, отразилось нечто такое, что заволновался даже Семен Семеныч. Хотя, возможно, дело было в том, что она прекратила чесать его пузо.

— Да ты не дрейфь, подруга! — с сочувствием сказала Муня. — Все образуется! Бывало и хуже! Пойдем, с папой познакомлю!

Лука вымученно улыбнулась, потрепала собаку за бархатные уши и встала.

— Мунь, можно я душ сначала приму и переоденусь?

— Давай. Я тебя на кухне жду с чаем.

Услышав о чае, Семен Семеныч живо спрыгнул с кровати и потрусил в коридор.

Отца Муня звали Петр Васильевич Прядилов. Огромный бородатый дядька оказался интересным собеседником, правда, несколько громогласным. Лука за столом помалкивала, искоса разглядывая хозяина дома, думала, что вот так, наверное, и должны выглядеть оборотни в человеческом облике, и периодически дрыгала ногой — выпрашивающий печенье Семен Семеныч ласково покусывал ее за голень. Но, поскольку Этьенна Вильевна строго-настрого запретила кормить его со стола, собачий терроризм успеха не имел.

— Мам, мы пошли! — крикнула Муня, когда они обувались в холле. — Вернемся поздно!

Этьенна величественно вплыла в коридор. Даже в шелковом халате она выглядела королевой.

— Ты опять берешь своего Квазимодо? — уточнила она.

— «Кавасаки», мам, — укорила дочь. — Нет, мы прогуляемся, а обратно нас Вит доведет.

— Хорошо повеселиться! — улыбнулась Этьенна и скрылась за занавеской.

Из кухни раздалось довольное чавканье — тайком от жены Петр Васильевич угощал друга печеньем.

* * *

В неоновом свете белая футболка с изображением черепа, держащего в зубах алую розу, казалась голубоватой и сияющей. Лука, добавившая к образу черные джинсы — не те, в булавках, а запасные, и яркий разноцветный шарфик, образом осталась довольна. В закрытом клубе «Черная кошка», куда привела ее Муня, народ, похоже, любил черепа, розы и джинсы. Людей здесь было полно, всех возрастов, танцпол не пустовал, однако музыка по ушам не била, как обычно в подобных заведениях. На всем лежала печать респектабельности: на барной стойке из дерева цвета вишни, на стаканах с золотым тиснением по краю и толстым дном, на люстрах, тяжелых, бронзовых, с массивными абажурами густо-охряного цвета, и на мозаичном панно с оскалившейся пантерой, глаза которой загадочно мерцали изумрудным.

— Значит, завтра с утра придешь, оформишься, — говорил Луке управляющий клубом,

невысокий черноволосый парень в бархатном пиджаке, ослепительно-желтой рубашке, джинсах и оранжевых кедах, которому можно было дать и двадцать пять, и тридцать пять лет, — вечером можешь приступать. Работаем с двадцати нуль-нуль до первых петухов, то бишь до трех ночи. Муня, она готова подписать соглашение о конфиденциальности?

— Я с ней поговорю, Антош, — пообещала та. — Вот сегодня же!

— То есть она еще не в курсе? — уточнил тот. — Тогда я ее в дневную поставлю!

Муня помялась, но голос ее прозвучал твердо:

— Будет в курсе!

Когда Антон ушел, Лука повернулась к подруге.

— Поясни, в чем отличие дневной смены от ночной?

— Элементарно, Ватсон, — засмеялась та, — ночью чаевых больше! Тебе деньги нужны?

Лука кивнула.

— Идем, познакомлю с друзьями, — сказала Муня, — вон они, обормоты, сидят, под Раисой!

— Раиса? — удивилась Лука.

Сразу представилась дородная тетка-буфетчица из университетской столовой, в белом фартучке и белой кружевной наколке в высоко взбитых фиолетовых волосах.

— Зверя видишь на стене? Вот ее все и называют Раисой! Только не спрашивай почему — повелось с незапамятных времен.

Друзей в компании Муни оказалось пятеро. Две девушки и три парня. Близняшки Оля и Юля даже одевались похоже. А вот парни кардинально различались. Александр, Саня, был невысоким крепким блондином с улыбочивой мордахой и взглядом прожженного бабника; Дмитрий, Димыч, — спокойным крупным шатеном в очках, как у Гарри Поттера, которые, несмотря на дорогую одежду в стиле casual, придавали ему вид полного фрика. Третий, Виталий, или Вит, худощавый брюнет с пронзительными голубыми глазами и резкими чертами лица, встретил Муню страстным поцелуем.

— А ты хорошенькая, Лука! — сообщил Саня, едва узнал ее имя. — Парень есть?

— Отстань, ей сейчас не до парней! — засмеялась Муня. — Возьмите нам мой любимый коктейль, а мы пока сгоняем на крышу, хочу кое-что ей показать.

Ребята понимающе переглянулись, а Лука напряглась — во всех разговорах, в самой атмосфере этого странного места она ощущала двойное дно, и ощущение было не из приятных. Во что же все-таки она вляпалась?

Мысль вернуться домой с повинной мелькнула и пропала, едва она вспомнила лицо говорящей о детском доме матери... Нет, не матери! И как теперь ее называть? Валентина Игоревна?

По кованой винтовой лестнице они поднялись этажом выше. Здесь был еще один зал, куда не доносилась музыка снизу. Полумрак, тяжелые красные шторы и диваны, обитые малиновым и коричневым плюшем, — сонный покой и скромное обаяние буржуазии. Пролетом выше оказалось темное помещение, где стояли вдоль стен запасные столы и стулья, какие-то ящики, пара холодильных камер. Отсюда наверх вела еще одна лестница, на этот раз обычная, деревянная. Муня, поднявшись по скрипучим ступеням, поманила Луку за собой.

На летней веранде, в которую переоборудовали располагавшуюся чуть ниже крышу соседнего дома, было пусто и прохладно. На небе висела почти полная луна, заливая землю

жемчужным светом.

Положив ладони на холодный мраморный парапет, огораживающий веранду, Лука замерла от восторга: отсюда прекрасно просматривался старый город, мерцал огнями, подобно шкатулке с драгоценностями, где каждый дом в сиянии окон казался наборной бусиной, каждый фонарь — самоцветом, а красные и белые фары стоящих в пробках машин — разноцветными цепочками.

— Помнишь, я просила тебя рассказать о том случае с братом? Когда он руку обжег, а ты нет? — развернувшись к ней, спросила Муня. — Не из праздного любопытства и не по причине рецидива шизофрении спрашивала. Когда мне было пять лет, я упала с лестницы на даче — полезла на чердак, куда мама строго-настрого запрещала лазить, и наступила на подгнившую ступеньку. И знаешь что, я видела гниль в глубине дерева, но не придавала этому значения!

— Как ты могла видеть гниль *внутри*? — изумилась Лука. У нее появилось ощущение, что без сигареты в таком разговоре не обойтись, и она полезла в рюкзак за новой пачкой дешевого курева, купленной в каком-то ларьке еще утром.

— Сейчас покажу, — сказала Муня и наморщила нос, заметив пачку. — Подожди, не кури! Дай мне лучше руку и закрой глаза!

«С крыши сбросит?» — спросила саму себя Лука, но пачку уронила обратно в рюкзак и взяла Муню за руку.

— Глаза! — напомнила та.

Лука послушно прикрыла веки. Что она должна была увидеть в темноте под ними?

И вдруг поняла, что темноты нет. Мир расцвел танцующими всполохами, а стена дома, стоящего напротив, приблизилась так резко, что Лука вскрикнула и отшатнулась от парапета, вырвав руку из пальцев Муни.

Та хотела было что-то сказать, но промолчала, лишь раздраженно цокнула по плиточному полу каблучком. Лука тоже молчала. С испугом граничило крайнее любопытство. Она покосилась на луну, и в ее желтом глазе ей почудилась насмешка.

— Давай еще раз! — решительно сказала она. — Прости!

— Ничего, — улыбнулась Муня, — я понимаю. Доверься мне!

Лука вновь вложила пальцы в ее теплую ладонь и закрыла глаза. Мир расцвел дивным садом, которым она не успела налюбоваться, поскольку стена дома придвинулась, гостеприимно распахивая окна. За ними перемещались призрачные силуэты, внутри и вокруг которых переливались, как нефтяные пятна на поверхности воды, поля разного свечения — зеленого, голубого, оранжевого, багрового...

— Присмотрись к нему, — услышала Лука шепот Муни, — да, вон к тому, с темной сердцевинкой. Через пару месяцев он покинет этот мир, правда, я еще не вижу как...

Оцепенев, Лука смотрела, как кандидат в покойники достает из холодильника палку колбасы и отрезает кусок себе и красному длинному облаку, вьющемуся вокруг его ног. Спустя мгновение перспектива изменилась — у облака появились уши, лапы, хвост и усы, а Лука откуда-то узнала, что это кот — сиамский трехлетка по кличке Бакс.

— А теперь правее, в другой квартире, золотистый легкий силуэт и голубая искорка внутри. Это молодая женщина, и она беременна, только пока не подозревает об этом! Когда узнает, разделит радость с мужем, видишь его в другой комнате? Ему бы аппендицит вырезать в ближайшее время, а то потом будут осложнения и придется долго лечиться... А теперь на этаж ниже... Видишь старушку внутри сиреневого сияния? Мы все так светимся,

кто-то бледнее, кто-то ярче. И ты — тоже!

Лука широко распахнула глаза и переспросила:

— Мы? Кто — мы?

— Мы, — серьезно глядя на нее, ответила Муня, — ведьмы.

* * *

Держа сигарету в трясущихся пальцах, Лука слушала негромкий голос подруги. Та рассказывала о хранителях, что с незапамятных времен жили рядом с человеком, оберегая его от капризов природы, а природу — от слишком агрессивного вмешательства людей. Однако первоначальная цель хранителей, увы, спустя всего несколько человеческих поколений стала неактуальной, поскольку освоение новых территорий шло с ужасающей быстротой. И была заменена на более простую — сохранение тайных знаний о природе в частности и мироздании в целом.

— Человек так или иначе взаимодействует с миром, в котором обитает, — говорила Муня, — но это взаимодействие может быть куда глубже и обширнее привычного людям. Многие практики, сохранившиеся до наших времен, базируются на этих знаниях, используя, впрочем, собственную терминологию и философию.

— Ты как по книге читаешь, — с завистью заметила Лука и вышвырнула за парাপет сигарету, скуренную до фильтра. — Значит, ты считаешь, что я — одна из... хранителей?

— Хочешь, я покажу, как тебя вижу? — мягко спросила Муня.

Лука храбро протянула ей руку.

Странное ощущение — наблюдать себя со стороны. Невысокую угловатую брюнетку с каре и неровно подстриженной косой челкой, с чуть вздернутым носом (хотелось бы, чтобы он был похож на нос Шарлиз Терон, но не сложилось), маленькими аккуратными ушами (на левом — три кольца и одна подвеска с черепушкой, на правом — два), с полными губами (слишком толстые!), в футболке с романтичным черепом, джинсах в обтяжку — внутри воронки густого сиреневого цвета с искрами: красными, белыми, синими и черными. В восприятии Муни воронка не выглядела пугающей, наоборот, она будто закрывала Луку от мира, оберегала, как скафандр — космонавта от холода открытого космоса. Чем дольше Лука смотрела в сиреневый, тем яснее видела, как искры разного цвета взаимодействуют друг с другом, смешиваясь в потоки, в которых явно есть какая-то логика. Вот только какая?

— Насмотрелась? — засмеялась Муня, отпуская ее пальцы.

Лука открыла глаза. Мир без великолепия потайных цветов показался скучным и пустым.

— Ты всегда так видишь? В смысле... постоянно?

— Нет, конечно. Только если сосредотачиваюсь. Моя мама, например, может делать это мгновенно и видит глубже, чем я! Я ведь только учусь...

— Учишься? — вытаращилась Лука.

— Конечно. Мама учит. Женщины рода Прядиловых издревле считались знатными ворожеями. Но ворожея, гадалка — просто глупые названия, данные людьми, не ведающими, о чем судят. На самом деле мы — Видящие.

— И я? — выдохнула Лука.

Муня покачала головой.

— Нет, ты — другая. При определенном навыке будешь видеть что-то из того, что вижу я. Но, скажем, предсказать смерть или скорую беременность не сможешь.

Лука почесала в затылке и вновь открыла пачку. И задала самый главный вопрос:

— А кто я?

К ее удивлению, подруга пожала плечами.

— Я пока вижу у тебя Дар... Неслабый такой Дар! Но как он себя проявит, не знаю!

— А какие еще есть ведьмы? Кроме Видящих? Парни что, тоже ведьмы?

Муня засмеялась.

— Парни — колдуны, но помни, это просто слова. Мы все — хранители. Среди нас есть медиумы, что общаются с душами мертвых. Юля с Олей Всеславские — потомственные медиумы, между прочим. Есть стихийники — управляют силами природы. Целители — лечат болезни на тонком плане бытия, не прибегая к лекарствам. Саня — потомственный целитель. Когда начнет практиковать, наверняка пациенты у него будут только женского пола... — Муня хихикнула и продолжила: — Алхимики — изобретают и производят зелья, которыми мы пользуемся. Димыч вот алхимик. Ужасно умный парень, между прочим! Его прапрадед служил еще у Алексея Михайловича!

— У какого Алексея Михайловича? — нахмурилась Лука.

— У какого... У Романова, ясное дело. У Божиею милостию Великого Государя, Царя и Великого Князя, всея Великия, и Малыя, и Белыя России Самодержца Московского, Киевского, Владимирского, Новгородского, Царя Казанского, Царя Астраханского, Царя Сибирского, Государя Псковского и Великого Князя Литовского, Смоленского, Тверского, Волынского, Подольского, Югорского, Пермского, Вятского, Болгарского и иных, Государя и Великого Князя Новагорода Низовской земли, Черниговского, Рязанского, Полоцкого, Ростовского, Ярославского, Белоозерского, Удорского, Обдорского, Кондийского, Витебского, Мстиславского и всей Северной страны Повелителя, и государя Иверской земли, Карталинских и Грузинских Царей, Кабардинской земли, Черкасских и Горских Князей, и иных многих государств и земель, восточных и западных, и северных, отчих, и дедовых, и наследника, и Государя, и Обладателя.

Сигарета выпала из пальцев Луки.

— Ты как все это помнишь? — спросила она.

Факт службы предка Димыча у Алексея Михайловича не так поразил ее, как царские титулы!

Муня снова засмеялась.

— Ну, во-первых, родную историю надо знать, подруга! А во-вторых, я на истфаке учусь! А ты?

— А я — на метеоролога, — неохотно призналась Лука. — Туда конкурс был самый маленький!

— Ух ты! — восхитилась Муня. — Будешь погоду предсказывать?

Лука усмехнулась.

— Хоть сейчас: завтра выпадет снег!

— Сдурела? — зябко поежилась та. На продуваемой ветром крыше было холодно. — Середина октября!

— Пойдем вниз? — Лука выкинула сигарету. — Хочу поближе посмотреть на этих... — она чуть было не сказала чудаков, но вовремя опомнилась: — ...хранителей!

— Подожди! — остановила Муня. — То, что я рассказала, — информация не для

обычных людей. Именно об этом будет сказано в Соглашении о конфиденциальности, которое тебе даст Антон. И пока ты не разбираешься, кто есть кто, лучше об этом болтать только с теми, о ком тебе точно известно!

— Да я только с тобой... — растерялась Лука. — Вот почему он уточнял про ночную смену, да?

— Да. Днем клуб работает как обычный бар, с бизнес-ланчами, деловыми ужинами и подобной ерундой. А с девятнадцати ноль-ноль вход только по спецприглашениям и после контроля штатных Видящих. Простых посетителей здесь не бывает.

Идя за Муней вниз по лестнице, Лука вдруг подумала, что на перепутье между обыденной жизнью и существованием, полным чудес, надо бы позвонить брату! Он, говнюк, конечно, психовать не будет по ее поводу, но попереживает. А для человека в постоперационной палате это не самое лучшее времяпровождение.

— Я сейчас! Брату позвоню только! — сказала она перед входом в зал, откуда доносилась музыка.

Кивнув, Муня направилась к друзьям.

Лука отошла в угол холла и набрала Артема, наблюдая за двумя дюжими охранниками в строгих костюмах, проверяющими наличие спецприглашений у гостей, и стоящей рядом с ними немолодой элегантно одетой дамой. Дама дежурно улыбалась входящим, но стоило ей повести бровью, как охранники смыкали строй и, дружно извиняясь, говорили, что мест нету!

— Бляхамуха! — раздался в смартфоне голос брата. — Ты, мля, сестрица, обалдела совсем? Предки землю жрут, чтобы тебя найти!

— Тем...

— Ты бы хоть на звонки отвечала, что ли? Или боишься, они тебя по навигатору отловят и под конвоем домой привезут?

— Тем...

— Ты...

— АРТЕМ!

— Ты чего орешь?

— Послушай... они тебе ничего не рассказали?

— Нет... А должны были?

Лука вздохнула так, будто собиралась окунуться в прорубь с ледяной водой.

— Мать мне сказала вчера, что я приемная дочь... Они меня из детдома взяли.

Голос предательски дрогнул. И мать — не мать. И брат — не брат... Сейчас скажет, я так и думал, прости-прощай!

В трубке надолго повисло молчание. Лука собиралась уже сбросить вызов, как услышала непривычно ласковый голос брата:

— Ты это... Не расстраивайся, слышишь? Нервный срыв у нее был сегодня, у мамы... Отец рассказал. Пришлось «Скорую» вызывать даже. Подумаешь, детдом... Мало, что ли, оттуда детей берут? Ты хоть и уродка, но моя сестра! Такой и останешься!

Сглотнув слезы, Лука уточнила:

— Уродкой или сестрой?

— Сестрой! — твердо ответил Артем. — Позвони отцу, а? Если с мамой не хочешь говорить?

— Не могу, — покачала головой она. — Ты скажи им сам, что со мной все в порядке,

меня друзья из универа приютили на время. И что работу я уже ищу...

— А как же учеба? — удивился брат.

— Придумаю что-нибудь! — отмахнулась Лука. — Сам-то как? Не лучше?

— С утра-то? — хохотнул Темка. — Неа, не лучше. Отец сказал, мотороллер вдребезги, потому что на него машина из другого ряда наехала. Ладно, переживем как-нибудь, да?

По голосу было слышно, как сильно он расстроен.

— Конечно, переживем, придурок! — прикрикнула на него Лука. — Не сомневайся. Я тебе завтра позвоню, договорились?

— Договорились!

В трубке зазвучали гудки. Она улыбалась, слушая их... Уже не одна! Родственные узы важнее кровных — вот это откровение!

И вдруг чья-то тяжелая ладонь больно-пребольно шлепнула Луку по заднице. Так, что даже слезы брызнули!

Она развернулась и увидела высокого привлекательного брюнета с недобрый прищуром в карих глазах... Точнее, прищур был радостным — для самого брюнета, а вот окружающим явно не предвещал ничего хорошего.

— Офигел, орангутанг? — воскликнула Лука. — Больно же!

— А ты страстная! — беззастенчиво кладя ладонь ей на грудь, ухмыльнулся тот. — Новенькая? Неинициированная? Пойдем со мной — и ты познаешь райское наслаждение!

Луке неожиданно стало смешно. После произошедшего ночью многие вещи в жизни стали более важными, чем раньше, а другие, наоборот, потеряли цену.

— Отвали от меня, баунти, — фыркнула она и сбросила его руку, — не умеешь знакомиться с девушками — не начинай!

Обошла его и направилась в сторону входа в зал, но была грубо сграбастана и прижата к стене тяжелым горячим телом.

— Никуда ты не пойдешь, птаха, — дыша ей в лицо, сообщил незнакомец. — Если Найджел тебя выбрал, ты идешь с ним!

— Найджел? — Лука старательно отворачивалась от жестких губ, отправившихся гулять по ее лицу. — Это еще что за член?

— Умная птаха! — теснее прижался к ней парень, и она ощутила напряжение в его штанах. — Вот он — член Найджела!

— Какая неприятность, я его не чувствую! — пробормотала начавшая всерьез злиться Лука и укусила нахала за попавшийся первым подбородок.

Тот взвыл и так сжал ее запястья, что она чуть было не заорала от боли, как вдруг услышала холодный голос:

— Тебе лучше отпустить девушку!

Парень, назвавшийся Найджелом (точнее, его членом), застыл. Не торопясь выпустил Луку из-под пресса своего тела, развернулся. Та выплянула из-за его плеча.

За спиной брюнета стоял не уступающий ему в росте и габаритах давно не стриженный блондин, в чьих зеленых глазах и уголках кривящегося рта читалась явная насмешка. И если Найджел был одет с иголочки — дорогой костюм и туфли, массивные часы на запястье, вопящие отверстием open heart о собственной дороговизне, то этот казался выпавшим из сталкерской зоны — поношенные серые брюки с обилием карманов в самых неожиданных местах, брезентовая куртка, когда-то бывшая зеленой, увешанная значками и булавками, армейские ботинки, кожаные перчатки с обрезанными пальцами и, в довершение всего,

плетеный рюкзак трогательного бежевого цвета с видами Венеции. Подобный мог бы принадлежать девочке из обеспеченной семьи, дважды в год выезжающей на заграничные курорты и с легкостью болтающей по-английски, но никак не парню с перебитым носом и таким выражением лица, что Лука побоялась бы сесть рядом с ним в общественном транспорте.

— Яр-р-р! — прокатал его имя на языке, как прокатный стан — лист железа, Найджел. — Кого я вижу! Водяная крыса покинула свои болота? Вижу, и рюкзачок сохранил?

В лице блондина ничего не изменилось, однако брюнет вдруг хэкнул и отлетел прямо под ноги охранников у входа.

— Что здесь происходит? — раздался взволнованный Мунин голос.

Лука посмотрела на блондина и улыбнулась:

— Спасибо за помощь!

Тот пожал плечами, развернулся, намереваясь выйти из бара, однако дорогу ему преградили охранники.

— Таким, как ты, закон не писан? — спросил тот, что постарше. — Любые разборки в «Черной кошке» и в радиусе пяти километров от нее запрещены!

— Гаранин! — Рядом с говорившим остановилась та самая дама, что «сканировала» посетителей у входа. — Ну почему, когда ты появляешься, всегда что-нибудь происходит?

— Выкиньте его прочь! — рычал из-за их спин удерживаемый вторым охранником Найджел. — Да отпусти меня, наконец!

— Яр! — подбежавшая Муня взяла блондина под руку. — Мы уже заждались! Ну почему ты всегда опаздываешь? Нина Васильевна, это я его пригласила... с Лукой познакомиться! Не сердитесь! Найджел первым начал!

— Ты же ничего не видела! — прошипел тот.

— Зато я видела, — пожалала плечами Лука, — и даже ощутила твои невоспитанные лапы на себе! Не кипятись, баунти, а то совсем растаешь! Муня, пойдём за столик, познакомишь меня с моим спасителем!

— Да я!.. — попытался что-то сказать тот, но Муня незаметно лягнула его в голень.

— Идем!

И увела в зал.

Взволнованные ребята толпились у входа.

Увидев блондинистого бродягу, Вит нахмурился, однако ничего не сказал, а сестры Всеславские заулыбались.

— Ты коктейли нам с Лукой заказал? — между тем щебетала Муня, будто ничего не случилось. — Давай сюда! Яр, что будешь пить?

— Воду, — буркнул тот, явно не имея желания ни пить, ни общаться.

— Легко! — Муня сунула ему в руки невесть откуда взявшийся стакан с водой, а Луке — бокал с ручкой, в котором был напиток насыщенного желтого цвета, украшенный вишенкой и звездочкой кардамона. — Будьте знакомы! Лука, это Ярослав Гаранин, свободный художник... — При этих словах Саня захохотал, а «свободный художник» покачал головой. — А это Лука...

— Свободная художница, — невозмутимо подсказал Димыч.

В зал вошел Найджел, бросил на них мрачный взгляд и ушел вверх по лестнице, в зал с бархатными диванами, который Лука про себя прозвала «Сумеречным».

— Чего он к тебе пристал? — спросил Вит и, поморщившись, добавил: — Хотя и так

ясно! Держись от этого психопата подальше, Лука! Парень двинулся на черной магии, считает себя офигеть каким экспертом в этой области... Ну и, соответственно, решил, что с такими умениями он неотразим для женщин!

— Справедливости ради замечу, что многие женщины считают его неотразимым! — улыбнулся Димыч.

Лука почувствовала к нему невольную симпатию. Ей импонировали спокойствие, невозмутимость и своеобразное чувство юмора алхимика.

— Дуры они! — пригорюнилась Муня. — Не жалеют ни красоты своей, ни здоровья...

— То есть? — уточнила Лука. — Он — садист, что ли?

— Это как водится, — Саня не улыбался, — только ходят слухи, что, потеряв от него голову, они соглашаются участвовать в каких-то его обрядах, а после меняются... Сам не видел и не лечил, но о таком слышал.

Лука переводила недоуменный взгляд с одного на другую. А еще отчаянно старалась не коситься на рюкзачок Яра, который тот поставил рядом с собой. Трогательный такой рюкзачок.

— В каких еще обрядах? — спросила она.

— Ты совсем новенькая, что ли? — вдруг подал голос Гаранин. — Вообще несмышленьши!

Лука тихонько зашипела от раздражения. Ну и что, что несмышленьши! Обязательно каждый раз носом тыкать?

Муня успокаивающе обняла ее за плечо. Пояснила для Гаранина:

— Еще утром она о себе ничего не знала. И о нас...

Свободный художник одним глотком выдул воду, легко поднялся, прихватив рюкзак.

— Мне пора! Муня, спасибо, что прикрыла! Всем пока!

И задумчиво пошел прочь, будто понятия не имел, куда направится.

Оля и Юля с явным сожалением смотрели ему вслед. Лука тоже кинула взгляд. Интересно, какой он, этот Гаранин, там, в глубине, под маской невозмутимости и насмешки?

— Дурацкое имя — Найджел! — ощутив паузу в разговоре, опомнилась она. — Неужели мама с папой наградили?

— Да он такой же Найджел, как я — принц Уэльский и герцог Виндзорский, — улыбнулся Саня, — Георгий он. Он же Гога, он же Гоша, Юра, Гора, Жора... Георгий Паршонков к вашим услугам!

— Найджел Паршонков звучит лучше! — укорил Димыч. — Уважительнее...

— Респектабельнее... — подхватил Саня.

— И вообще звучит гордо! — довершила Муня. — Но пить за это мы не будем!

— Не будем! — улыбнулся Вит и поцеловал ее. — Ты у меня — умница!

Лука смотрела на них, целующихся, позабыв обо всем, и не ощущала зависти. Как говаривала бабушка, которая теперь оказалась неродной: «Будет день — будет пища!» Не до парней ей сейчас, ох, не до парней!

* * *

Утром следующего дня неожиданно выпал снег. Лука опоздала на учебу и, пока автобус стоял в пробке, щедро посыпaeмый белой крупой, ломала голову над тем, как она будет

совмещать дневное обучение и работу до середины ночи. У входа в универ ее ждал отец. Полный, начинающий лысеть мужчина нервно переминался с ноги на ногу, смахивал снежинки с плеч и отирал лицо клетчатым платком. Хотела было прошмыгнуть мимо, накинув капюшон толстовки и низко опустив голову, но стыдно стало не по-детски. Поэтому она остановилась, глубоко вдохнула и подошла.

— Привет!

— Лунечка! — отец всегда звал ее ласково — Луня, Лунечка. — Возвращайся домой, а? Прости мать, не в себе была... Ты же знаешь, как она о Темке мечтала!..

Сказал — и запнулся, поняв, что ляпнул что-то не то. Валентина Должикова действительно страстно мечтала о собственном ребенке. Не переставала мечтать, даже когда они с мужем решили, что сделать ничего нельзя, и взяли из детдома девочку. Неожиданная беременность, случившаяся с ней в тридцать девять, оказалась настоящим чудом и для нее, и для врачей.

— Вот-вот... — недобро ответила Лука, уставившись в асфальт.

Обида в душе вновь вскипела кислотой... Гадкое ощущение, будто разъедает тебя изнутри, жжет... Но плакать нельзя! Она сильная и самостоятельная личность! Сама по себе!

— Не вернешься? — тяжело вздохнув, констатировал отец.

Как-то так случилось, что Луку всегда понимал лучше он, чем мать, хотя дома бывал не часто, ведь водители-дальнобойщики живут дорогой.

— Нет, — покачала она головой, ощущая, как сердце разрывается и от обиды, и от жалости к отцу. — Мне друзья помогли на работу устроиться, как деньги получу — сниму комнату. Ты не переживай за меня, — не сдержав порыв, она тронула его за плечо, — я справлюсь!

— Мать прости? — попросил отец и зачем-то полез в карман. — Она места себе не находит.

Лука промолчала. Лишь подняла на него изумленный взгляд, когда он сунул ей в пальцы несколько крупных купюр и прикрикнул грозно:

— Не вздумай мне нос воротить! Деньги всегда нужны, а я тебе — отец как-никак! «Никак... никак... никак...» — эхом отозвалось в голове. Луке стало совсем горько, и, схватив деньги и чмокнув отца в щеку, она бросилась ко входу в универ, желая стать маленькой, как мышка, а лучше — вообще невидимкой!

— Не пропадай! — крикнул отец вслед.

И его слова будто спустили с цепи бешеных псов — дни.

Спустя две недели работы во вторую смену в «Черной кошке» и учебы Лука поняла, что не справляется. Она хоть и училась спустя рукава, знала — какой-никакой диплом нужен, а сейчас понятия не имела, как решить эту проблему. Спать хотелось невыносимо и постоянно... Нынче утром, забив на универ, она продрыхла до двенадцати в обнимку с Семен Семенычем. Пес признал девушку за свою и теперь ночами кочевал из постели в постель, оглашая тихую квартиру потусторонними хрипами.

С трудом поднявшись, Лука приняла душ и выползла на кухню, надеясь никого не встретить — хоть и были родители Муни душевными людьми, она их стыдилась, отчаянно пытаясь найти хотя бы комнату стоимостью чуть меньше половины еще не полученной зарплаты. Но пока ничего не получалось.

К сожалению, Этьенна Вильевна и Петр Васильевич, сидя на кухне, кушали кофей.

Хозяин дома был преуспевающим офтальмохирургом, владельцем клиники, и мог себе позволить иногда в полдень откусать кофей дома, а не на работе.

— Ты чего такая смурная, Лука? — густым басом спросил он и подвинул ей изящный кофейник, украшенный золотой росписью.

К кофейнику полагались такие же чашки и молочник, полный густых сливок. Лука, дувшая молоко дома прямо из пакета наравне с другими членами семьи, смотрела на все это, как ребенок, впервые попавший в зоопарк.

— А кстати, почему Лука? — добавила Этьенна, разглядывая Луку своими прекрасными глазами. — Это же мужское имя?

— А мне нравится! — пожала плечами та. — Лучше звучит, чем Луша!

— Лу-ша... Лу-ша... — прогудел, как мохнатый, на что-то там севший шмель, Петр Васильевич, — пожалуй, ты права! Лука звучит лучше! Так чего такая смурная, Лука с мужским именем?

Сама от себя не ожидая, Лукерья призналась в том, что придется бросить учебу ради работы. И даже прощения попросила, что так долго стесняет их семью своим присутствием, — откуда только слова такие взялись, не иначе мудрый Семен Семеныч нашептал ночью!

— Бросить учебу? — всплеснул руками Петр Васильевич и посмотрел на жену. — Эленька, какие глупости! Ну придумай что-нибудь! И, кстати, где мои очки опять?

Как и большинство сапожников (без сапог), офтальмохирург Прядилов носил очки, более того, обожал их, а в любимых души не чаял. Но постоянно терял.

— Дорогой, ты прав, — похлопала его по руке супруга и укоризненно посмотрела на Луку. — Девонька, учиться нужно, просто необходимо! Сейчас... Петя, принеси мою сумочку! А после займемся твоими очками...

Стокилограммовый Петя легко, словно стратегический бомбардировщик, взял низкий старт и спустя пару минут вернулся с бордовым кожаным ридикюлем.

Из ридикюля была извлечена миниатюрная записная книжка, листовая которую Этьенна глубокомысленно поинтересовалась:

— А как зовут твоего ректора?

— Чего? — вытаращилась Лука.

Этьенна Вильевна хмыкнула. Взяв смартфон, набрала номер.

— Старый знакомый, — пояснила она, мило улыбаясь мужу, — в этой записной книжечке у меня только старые и добрые знакомые! Например, некий Петя Прядилов, студент третьего курса меда!

— Хороший парень? — заулыбался Петр Васильевич.

— На первое свидание притащил мне букет аптекарской ромашки, — усмехнулась Этьенна, — и прочитал лекцию о тибетских целебных травах!.. Алло, Мурзик? Здравствуй, Мурзик! Тысячу лет, тысячу зим тебя не слышала!

— Мурзик?! — нахмурился Прядилов.

Лука наострила уши. Что это за Мурзик, способный решить проблемы с учебой?

— Да ты что? — щебетала между тем в трубку Этьенна Вильевна. — Сейчас? В Лондоне? На конференции? Как я тебе завидую... Это низкое небо, этот морозящий дождь — какая прелесть! — Она засмеялась, будто колокольчики звенели. С каждым новым колокольчиком Петр Васильевич мрачнел все больше. — Нет, Мурзик, не приеду! Во-первых, много лет прошло, дорогой мой, мы уже не те, и то время не вернуть. Во-вторых, муж меня

сильно ревнует, боюсь, как бы не убил, — со смехом косясь на ревнивца, продолжала Этьенна, — а в-третьих, я к тебе с просьбой насчет своей протее... Да... Именно так... Имя? Лука, как твое полное имя?

— Должикова Лукерья Павловна, — растерянно сказала Лука.

— Должикову Лукерью Павловну необходимо перевести на заочное... Ну... так надо, ты же понимаешь? Мурзик, ты чудо! Вернешься, позвони мне, приглашу в гости, познакомлю с домашними, договорились? Что мне привезти? Привези тепло и дождь, я так их люблю! Все, Мурзик, целую! Пока-пока!

Положив смартфон на стол, Этьенна взяла мужа за руку и приложила ее ладонью к своей щеке.

— Петя, улыбнись! Ты — единственный и неповторимый мужчина в моей жизни.

— Правда? — расцвел Прядилов.

— Правда! — Этьенна, не стесняясь Луки, поцеловала его в ладонь. — Но это вовсе не отменяет моего прошлого! — строго добавила она и перевела взгляд на гостью. — Съезди в университет, зайди в деканат, напиши заявление о переводе на заочное. Не забудь взять учебную программу и расписание экзаменационных сессий. Если будут вопросы, скажи, что Анатолий Анатольевич разрешил.

— Анатолий Анатольевич? — совсем растерялась от ее напора Лука. — А кто это?

— Анатолий Анатольевич Ширяев, ваш ректор, — засмеялась Этьенна. — Начальство надо знать!

— Буду! — пообещала Лука и поднялась.

Выходя из дома, Лука думала о том, что судьба явно тасует карты из ее, Луки, колоды. Одни выкидывает, другие добавляет. Какая будет следующей?

* * *

Вечером ее подозвал один из барменов, Макс.

— Слышал, тебе жилье нужно? — спросил он.

Лука вздохнула.

— Скажи сразу, сколько? — попросила она. — Я больше тринадцати платить не смогу!

— Десять, — улыбнулся Макс, — но с условием!

— Не подойдет! — оцетинилась Лука. — Плавали, знаем!

И отвернулась, собираясь уходить.

— Да ты постой, бешеная! — хмыкнул Макс. — Это не то, о чем ты подумала! У меня тут неподалеку бабушка живет. Квартира большая, двухкомнатная. Бабуля уже старенькая, больше девяноста ей. Предки мои в область перебрались, а я к ней часто заходить не успеваю — работаю в двух местах. Если согласишься, попрошу тебя за ней присматривать — убираться там, когда надо, продукты купить, врача вызвать... Справишься?

— Неужели сложно за такие деньги жилья найти? — удивилась Лука. — Даже с твоими условиями?

— Есть еще один фактор, секретный, — усмехнулся парень, — бабуля моя, как ты можешь догадаться, из наших. В свой дом обычного человека на порог не пустит. Короче, ты согласна или нет?

— Согласна! — решила Лука. — Только вдруг твоей бабуле мой светлый образ не

понравится? Ну там черепа, ногти черные?

— Она у меня не кисейная барышня, — Макс протянул ей бумажку с адресом, — ты зайди к ней завтра часиков в десять утра. Познакомься. Если все сладится, можешь сразу переезжать.

— Ок, спасибо! — кивнула Лука, но спохватилась: — Только ведь я зарплату еще не получала, а с чаевых столько не наберется.

— Договоримся! — махнул рукой Макс. — Главное, своя девчонка!

И каждый занялся своим делом.

Луке нравилось работать в «Черной кошке». Нравилась атмосфера тайны, мистический антураж, странные, краем уха услышанные разговоры, в которых она пока ничего не понимала. Но больше всего нравилось, что она работает на себя, точнее, на свою самостоятельность.

К счастью, с того вечера Найджела, прости господи, Паршонкова она больше в клубе не видела. Компания Муни собиралась здесь почти каждый день, и каждый раз Саня пытался ухаживать за Лукой. Это выглядело смешно, потому что Лука мухой носилась от столика к кассе, от кассы к барной стойке и оттуда опять к столикам. Иногда, когда клиентов было мало, у нее выдавалась минутка посидеть с друзьями и выпить кофе, но в основном они приходили в такое время, когда в клубе народу было полным-полно. В этот вечер, увидев Муню, Лука рассказала ей о предложении Макса, и подруга его одобрила.

— В нашей среде об Анфисе Павловне Беловольской легенды ходят! Сильная ведьма, потомственная стихийница! Правда, давно уж не практикует. Вот бы ты ей понравилась! Может, она тебя бы научила чему-нибудь!

Лука пожала плечами. С тем, что она, оказывается, ведьма, девушка уже как-то смирилась, но к остальному «волшебству» продолжала относиться с опаской.

На следующий день в назначенное время Лука, волнуясь, подходила к дому, стоящему через дорогу от «Черной кошки». Мелькнула какая-то мысль и пропала. Анфиса Павловна представлялась Луке грузной старухой с клюкой и зоркими, несмотря на возраст, глазами.

К ее удивлению, дверь открыла старушенция — божий одуванчик, подслеповато щурясь сквозь толстые стекла очков. Седые, подстриженные в каре волосы были аккуратно уложены и прихвачены коричневым блестящим гребнем.

— Я от Макса... Максима то есть! — набрав в грудь воздуха, выпалила Лука.

— Входи, иллюминация, — хихикнула старушка, — не стой на пороге!

Войдя и сняв куртку, девушка недоуменно оглядела себя — вроде футболку надела приличную, с воющим на луну волком, а не с какой-нибудь зубастой тварью, и даже причесалась. В каком месте она иллюминирует?

— Садись, чаю поьем, — сообщила старушенция, проведя ее на чистенькую кухню. — Коли не сбежишь от моих вопросов, я тебе комнату покажу. А коли комната понравится — останешься жить!

— Как у вас много «коль»! — пробормотала Лука и послушно села на табуретку, спрятав руки с черным маникюром под столешницу.

— Ну так годков мне много, умом слаба стала, — по-доброму улыбнулась Анфиса Павловна, выставляя на стол чашки из голубого фарфора, молочник и хрустальную вазочку с конфетами. — Люблю с людьми поболтать — в старости это уже радость, а не необходимость. Как тебя зовут?

— Лука! — с вызовом ответила Лука.

— А имя-то мужское? — Старушка, посмотрев на нее поверх очков, покачала головой. — Чем аргументируешь выбор, иллюминация?

— Нравится мне! — признала Лука. — Лучше, чем Луша или Луня, звучит. Загадочно и... сильно!

— Сильно — это сильно! — фыркнула Анфиса Павловна. Разлила янтарный чай, взялась за молочник. — Будешь с молоком?

Лука наморщила нос, но спохватившись покачала головой:

— Нет, спасибо!

— Ты мне руки-то свои покажи, — вдруг сказала старуха.

Лука молча вытащила руки из-под стола. Ну все. Углядит бабка черный маникюр — пиши пропало!

— Черный — вовсе не цвет смерти, — улыбнулась та и налила себе молока в чашку, — это цвет земли. Прах в землю хоронят — вот и стали люди черный считать цветом печали. А ведь оттуда жизнь на земле идет — от земли, воды, огня и ветра.

На миг почудилось Луке, будто поднялись вокруг старушки сиреневые стены, внутри которых выглядела пожилая женщина совсем по-другому — высокой черноволосой красавицей. И вдруг она вспомнила, как держала ее за руку Муня на крыше бара, показывая то, что видят ее глаза. Вспомнила и этот дом, и увиденных воочию жильцов, и сияние, исходящее этой самой Анфисой Павловной!

Когда она пришла в себя, хозяйка, сидя напротив, пила чай мелкими глотками и внимательно смотрела на Луку.

— В следующий раз постарайся воспоминание перевести в действительность, — строго сказала она, — иначе так и будешь обрывки видеть, а не картину целиком. Вижу, ты неученая совсем? Родители с тобой не занимались?

— Нет у меня родителей! — Лука расплескала чай из только что поднятой чашки и поставила ее на место. — И учить меня некому!

— Редкий случай, — спокойно заметила Анфиса Павловна. — Обычно наши все потомственные, да ты, наверное, и сама заметила.

Лука кивнула.

— Пойдем, комнату покажу, — поднялась хозяйка. — Бука ты, но мне нравишься. Да и потенциал хороший, Макс-то мой в астрологию подался, гороскопы, вишь, составляет, озорник, вместо того чтобы серьезными вещами заниматься. А мне уходить, знание не передав, нехорошо... Ну да чего это я вперед паровоза... Погляжу сначала, как ты полы моешь! И моешь ли вообще!

Комната была просторной, с большим окном, выходящим во двор. Под окном стоял диван, у стены — ореховый трехстворчатый шкаф, явно старинный, рядом — письменный стол из современных и, совсем уж ни к чему, черное офисное кресло. На полках вдоль торцевой стены теснились книги с разноцветными корешками.

— Ну как? — поинтересовалась Анфиса Павловна. — Подходит девушке с мужским именем?

Лука ступила в комнату осторожно, как кот на чужую территорию. Ощущение, шедшее от стен, ей понравилось — здесь было спокойно и светло, и дело вовсе не в тихих соседях и достатке освещения!

— Подходит! — Она выглянула в окно. — Только, Анфиса Павловна, вы мне говорите, пожалуйста, что нужно для вас сделать, потому что я не знаю что!

— Конечно, буду говорить, — заулыбалась старушка. — Когда переедешь-то?

— Да прямо сейчас и перееду! — Лука вышла в коридор и вернулась со своим рюкзаком. Бросила его на кожаный «стул босса». — Вот, переехала!

Брови Анфисы Павловны впервые поползли вверх. Однако она ничего не сказала, лишь махнула рукой, зовя за собой.

— Ванная... Вот эту полочку можешь занимать, а сюда полотенца вешать. Туалет... ну здесь как при коммунизме, все общее. Моя комната.

Комната хозяйки не уступала размерами предыдущей. У стены располагалась кровать на металлических столбиках с шишечками в наверхиях. На ней — белое кружевное покрывало и три уложенные друг на друга подушки, накрытые дивной красоты накидушкой, вышитой по всей поверхности гладью. Такими же салфетками, на которых цвел волшебный сад, были укрыты два массивных комода, стоящие рядом. В простенке между узкими шкафами висело зеркало в старинной деревянной раме, под ним, на тумбочке, стояли иконы и лежали церковные свечи. Пахло чистотой и немного — нагретой солнцем пылью.

— Ключи, — Анфиса Павловна положила в ладонь Луке связку, — деньги на продукты, список, что нужно купить. Я консервативна, продукты одни и те же пользую. Так что список не выбрасывай, куда наизусть не выучишь.

Лука молча смотрела на нее и думала, как хорошо, что бабулька оказалась такой простой и сложной одновременно. Но сложность ее лежала где-то за гранью, там, куда Лука заглянула пока одним только глазком, а вот простота была здесь — в этих ключах и списке, в чистенькой комнатке, пахнущей благородной старостью, в неожиданных ремарках.

— Чего глазеешь, иллюминация? — засмеялась Анфиса Павловна.

— Пакет дайте... для магазина! — смутилась Лука и пошла доставать из рюкзака тапочки, подаренные ей Муней.

Непорядок в доме в обуви ходить!

* * *

Несмотря на ершистый характер Луки и спокойно-язвительный Анфисы Павловны, соседки зажили душа в душу. Пожилая дама действительно оказалась неприхотливой — она любила свежие продукты, в основном кисломолочные, чистые полы и... дорогой алкоголь.

Когда Лука с первой полочки купила банку красной икры, сервелат в нарезку и бутылку вина, Анфиса Павловна с доброй улыбкой отобрала у нее бутылку и поставила под мойку, к мусорному ведру. После чего достала из буфета нехилую круглую бутылку, украшенную виноградной лозой.

— Человек есть то, что он ест и чем периодически напивается! — сообщила она, открывая золоченую пробку, которой можно было легко убить в висок, и разливая по хрустальным пузатым бокалам жидкость ярко-янтарного цвета. — Не лей в себя всякий контрафакт, иллюминация, пользуй только старые добрые напитки!

— Ух! — выдохнула Лука, отпив из своего бокала. — Ничего не поняла, кроме того, что это было круто!

Анфиса Павловна любовно намазывала бутерброд с маслом икрой. Для этого был извлечен на свет странный ножичек с тупым закругленным концом и рукоятью, похожей на раковину.

— Лимончик вот, заешь! — посоветовала она. — Считается, что клубника оттеняет вкус шампанского, соленый огурец — водки, а лимон — коньяка.

— Да? — искренне удивилась Лука.

В ее семье пили без изысков — пиво по выходным, водку по праздникам, заедая чем придется, в основном докторской колбасой.

— Учить тебя и учить жизни, иллюминация, — вздохнула Анфиса Павловна.

Янтарный напиток, несмотря на легкость питья, знатно шумел в голове.

— Почему вы меня так называете, Анфиса Пална? — набравшись наглости, уточнила Лука. — Ладно бы я вся стразами была усыпана, от макушки до кроссов!

Старушка хмыкнула.

— Видишь ли, девонька, я уже стара, глаза меня подводят, несмотря на бинокюляры мои, потому частенько пользуюсь тем, что мы называем периферическим зрением. Но это не то зрение, про которое написано в учебниках для медицинских учебных заведений!

— Мы? — уточнила Лука.

— Хранители, — кивнула та. — Тебе случалось когда-нибудь смотреть на периферический мир?

Лука вспомнила, как Муня показывала ей пространство, ноздреватое, как свежий хлеб, в котором ясно видна каждая дырочка, трещинка, вмятинка.

— Да, наверное, — засомневалась она.

— Тогда ты знаешь, как много там света и... вообще всего. Молодым ведьмам и колдунам сложно привыкнуть к такому изобилию, да и организм адаптируется не сразу, вот почему они не могут долго смотреть. А я, старая и подслеповатая, могу, чем и пользуюсь. У тебя сильный Дар, Лука. Правда, он дремлет. Но однажды пробудится. Я его вижу как, — она хихикнула, — новогоднюю елку, обмотанную сразу несколькими разноцветными гирляндами.

— А как пробуждается Дар? — заинтересовалась Лука, уминая колбасу.

Анфиса Павловна снова наполнила бокалы. Впрочем, «наполнила» — неправильное слово. Она разливала по чуть-чуть, на самое доньшко, затем грела бокал в ладонях, покачивая в нем напиток, подносила к носу и нюхала, как лучшие духи. И только после этого дегустировала. Поневоле Лука попыталась повторить этот цирковой номер. Станный аромат щекотал обоняние, и это было... волнительно.

— У всех по-разному, — задумчиво ответила старушка, поставив бокал, — кто-то переболевает, как гриппом, с высокой температурой и насморком, кто-то вещи оживляет, кто-то видит в лужах другие миры...

— А у меня было в детстве... — вдруг решила Лука.

Никогда и никому не рассказывала, а тут решила. То ли из-за вкуса, цвета и запаха колдовского напитка из бутылки с виноградной лозой и двумя буквами X и O, то ли из-за личности квартирной хозяйки.

— Ну-ка, ну-ка, — заинтересовалась та, — расскажешь?

— А вы смеяться не будете? — уточнила Лука.

Старушка, полуобернувшись, посмотрела на форточку. Та вдруг стукнула, открывшись. В кухню влетел свежий ветер — сильный и влажный, дунул Луке в лицо, будто старый друг, любящий подшутить, а затем... поднял со стола бокал с остатками коньяка и сунул ей в пальцы. Лука махом выпила остатки и со стуком вернула бокал на стол.

— Понятно, смеяться не будете! — сказала она. — Вы как про лужи сказали...

И она поведала домохозяйке и о луже, и о головастиках, и об огне в печке. Не призналась лишь в последнем эпизоде, в результате которого брат попал в больницу, а мотороллер — на свалку. Застыдилась...

Анфиса Павловна слушала внимательно. Когда Лука закончила говорить, разлила по последней и убрала бутылку обратно в буфет. Потянулась к колбасе, но передумала, намазала еще один бутербродик икоркой и сказала как ни в чем не бывало:

— Когда во мне пробуждалась стихия огня, я спалила сарай... Ночевала там с одним парнишкой, от его ласк совсем голову потеряла... едва успели выбежать! Ох и досталось мне потом от мамки!

— За что? — удивилась Лука.

— За то, что себя не контролировала. Стихия — она и есть стихия. Дикая, необузданная. Мы, стихийники, можем управлять ею, подчинив себе. Это как дикого зверя укротить: коли он признает в тебе хозяина — будет слушаться, коли нет — погрызет и тебя, и твоих близких!

Девушка отвела глаза. Старуха была права. Не разозлился Лука тогда на Артема, кулак ветра не сбил бы его мотороллер!

— А как это — подчинять?

— Для начала надо учиться контролировать свои мысли. Думаешь, это просто такие тараканы безобидные в голове? Нет, иллюминация, к сожалению, это не так. Если бы стихийники себя не контролировали — мы жили бы в мире бесконечных ураганов, наводнений и смерчей. Можно сказать, что мы — одни из самых опасных Хранителей, ведь разрушения, которые могут случиться из-за нас, носят глобальный характер!

Лука вдруг вспомнила, как бушевала гроза в ту ночь, когда она металась по комнате, мучимая виной. Неужели это из-за нее так ярились молнии и лил дождь?

— А я — стихийница? — с замиранием сердца спросила она.

— Похоже на то! — задумчиво протянула Анфиса Павловна. — Но пока ты воздух не почувствуешь, ничего нельзя сказать наверняка. Ты ведь не чувствовала еще?

— Нет, — спустя еле заметную паузу ответила девушка.

* * *

Несмотря на репутацию модного клуба, публика в «Черную кошку» приходила такая разная, что Лука иногда диву давалась. Конечно, всех посетителей объединяла принадлежность к «периферическому миру», как называла полную чудес и магии реальность Анфиса Павловна, однако внешне они могли сильно различаться. В этот вечер в зале было многолюдно, но девушка, вышедшая в свою смену, сразу обратила внимание на столик в углу, за которым примостились трое здоровых мужиков. Таких здоровых, что она решила — это профессиональные культуристы, тем более что накачанных бицепсов и мощных грудных мышц в разрезах футболок в обтяжку те вовсе не скрывали.

Пока Лука принимала заказ у бородатого блондинистого громила с веселыми глазами, остальные переговаривались, обращая на официантку внимания не больше, чем на пепельницу.

— Прикинь, Адрианыч, расширяли новое кладбище, копали яму под фундамент крематория, а обнаружили могильник... В незапамятные времена кто-то кого-то туда захоранивал. Пока инспекция из архитектурного надзора, пока экспертиза, туда-сюда,

могильник-то открытый стоит... — говорил недоброго вида дядька, с руками, покрытыми разноцветными татуировками.

— Нехорошо, — покачал головой второй. — И не освятили место-то?

— Да вроде нет, в том-то и дело! Все еще разбираются!

— Ох, чую, доразбираются! Придется нам вмешиваться! — заметил бородач, взмахом руки отпуская Луку с заказом.

Уходя, она запоздало удивилась, как он включился в беседу, ведь не слушал вовсе разговор соседей по столику, обсуждая с Лукой меню.

Вспомнила об этом уже поздно ночью, когда большинство посетителей ушло. За прошедшее время Лука успела полюбить эти моменты тишины и покоя, приглушенный свет, загадочное мерцание глаз Раисы.

«Привет, придурок, как дела?» — присев за барной стойкой, написала она брату, не сомневаясь в том, что получит ответ.

Артемка и в больнице умудрялся ночами сидеть в интернете, отсыпаясь днем, как сова в дупле. Совсем скоро его должны были выписать домой: долечиваться, пить витамины и передвигаться на костылях.

«Опять пашешь, дурында? — ответил брат. — Найди себе там богатого парня и выходи замуж!»

Рукалицо. «Много ты понимаешь в богатых парнях!»

«Нет, тебе что, правда нравится пахать???»

«Мне нравится ни от кого не зависеть!»

«Дома лучше, Лука. Может, вернешься?»

«И не подумаю, Тем. Как нога? Что врачи говорят?»

«Пару лет похромаю. Потом вроде пройдет».

— Черт! — чертыхнулась вслух.

Макс, бармен, удивленно посмотрел на нее. Она покачала головой, мол, все нормально. И вдруг подумала о Сане Логинове, который, по словам Муни, был потомственным целителем. А если попросить его о помощи?

«Ладно, придурок, спать ложись! Поздно уже! Утренний обход проспишь!»

«Ха! Я его всегда просыпаю!»

Улыбаясь, Лука убрала телефон в карман фартука. Ежедневные разговоры с братом ни о чем по электронным каналам связи были той тонкой ниточкой, по которой ее сердце получало хоть какое-то тепло извне.

Последние посетители разошлись. В зале бесшумно сновали две уборщицы, в серых комбинезонах похожие на привидений.

— Иди домой, — сказал Максим, — бабуле привет!

— Утром передам, — зевнула Лука, — до завтра!

Великое дело — работа рядом с домом! Всего-то надо выйти из клуба, обойти дом, в котором он располагался, и перейти на другую сторону улицы.

Поднявшись на свой этаж, Лука достала ключи и приготовилась открыть дверь, как вдруг услышала сверху голоса и странный звук, похожий одновременно на плач ребенка и истошный вой машины «Скорой помощи». Звук был настолько неприятным, что у нее волосы поднялись вдоль позвоночника.

— Вот тварь... — сказал мужской голос. — И что с ним делать?

— Да пристрели ты его!

— С дуба рухнул? Может, ветеринарку вызвать? Пусть поймают и усыпят?

— Давай его курткой накроем — и на балкон! Авось успокоится!

— Ты глянь на него, сам к нему подойдешь?

Лука убрала ключи и тихо поднялась по лестнице. Перед одной из дверей на четвертом этаже стояли два дюжих полицейских, хрупкая девушка в пальто и заплаканная дама в халате и шлепанцах.

— Он уже плох совсем был в последние дни... — всхлипывала дама. — Я приходила их с Баксиком кормить, близких-то у них нет никого... Баксик вообще ласковый, а тут как с цепи сорвался!

«Собака! — поняла Лука. — А с хозяином случилось что-то... нехорошее!»

— Давай решай, — сказал один из полицейских, — нам еще протокол составлять, труповозку вызывать... А мы время теряем с этой тварью!

— Блин, — тоскливо ответил второй, — во попадалово! Пристрелить его правда, что ли?

Луку будто кто-то в спину толкнул.

— Извините, — она шагнула на площадку, менты обернулись на голос, — можно я попробую его успокоить?

— А вы кто? — уточнил один из них.

— Соседка... снизу...

— Да ты что, девочка, он меня не подпускает, а уж я-то его куриными потрошками как кормила! — снова заплакала женщина.

Ощущая в душе странную уверенность в том, что все получится, Лука шагнула прямо к полицейским, и те молча расступились. С порога был виден холл, из которого вели двери — налево, в кухню, и направо — в комнату. На пороге последней стоял, завывая и вздыбив шерсть... сиамский кот. Лука остановилась в растерянности — ожидала увидеть пса! И вдруг, вспышкой, мелькнуло воспоминание — она и Муня на крыше, и та рассказывает о жителях соседнего дома то, что видит «периферическим зрением»!

А затем — Лука так и не поняла, что произошло, — мир окрасился в нереальные цвета. «Не собака Баксик» оказался в их средоточии, во всполохах агрессивно-красного. Кот был испуган, потерян... Лука воочию увидела, как тянутся от него за угол комнаты и обрываются теплые солнечные ниточки... Верность. Привязанность. Любовь?

Она судорожно выдохнула, потеряв «картинку». Так вот как это — видеть! Видеть то, что вроде бы и не существует в реальности, но без чего эта самая реальность невозможна!

Лука шагнула к коту и медленно опустилась на колени. Протянула руку. Кот издал леденящий душу вой, дама в шлепанцах ойкнула, а один из полицейских по-доброму посоветовал девушке идти домой.

В расширенных зрачках кота полыхали багровые глубины ада.

«Тише, тише, — подумала Лука, снова сосредотачиваясь, — не бойся меня!»

Кот перестал выть и наострил уши.

«Ты меня слышишь? — удивилась Лука. — Я не причиню вреда! А вот они могут!»

Кот утробно заурчал и забил хвостом.

«Тебе нельзя здесь оставаться, — продолжала безмолвный разговор Лука, — ты можешь пострадать! Идем со мной? Я что-нибудь придумаю! И знаешь что, я тоже недавно лишилась... чего-то. А без него очень погано! Поэтому я тебя понимаю!»

Замерев, она смотрела, как оборванные солнечные лучи стягиваются к коту и исчезают

под бежевой шкурой. Как гаснет адово пламя в зрачках, как — полосками — показываются в глазах радужки небесно-голубого цвета.

«Бакс! — позвала она, протягивая вторую руку. — Иди ко мне!»

Зверь шагнул к ней, распрямляя сгорбленную спину, аккуратно и методично обнюхал пальцы, задрал хвост, мимо попятившихся назад ментов вышел на лестничную площадку. И выжидающе оглянулся на Луку.

— Я его заберу? — спросила она у соседки, поднимаясь и отряхивая колени. — Вы не возражаете?

— Нет! — всплеснула руками та. — Куда ж мне такое! А у Евгения Захарыча родственников не было... один-одинешенек жил...

— Ну пройдемте на осмотр тела! — прервал новый поток слез полицейский. — Девушка, спасибо за помощь! Вы с этой тварью того... поаккуратнее!

Лука упрямо тряхнула волосами и пошла вниз по лестнице. Кот бесшумно следовал за ней. Пока она доставала ключи и, стараясь не шуметь, открывала дверь, зверь стоял рядом, задрав голову и разглядывая ее. Его морда, уши, лапы и хвост были почти черными, а шкура — светло-бежевой.

— Ты — красавец, Бакс! — улыбнулась она, толкая створку и включая свет в прихожей. — Заходи! Если Анфиса Павловна нас выгонит, будем жилье вместе искать!

Длинное тело скользнуло в дверь. Перед глазами Луки на миг снова запрыгали потусторонние всполохи, а в ушах вдруг прозвучала фраза, заставившая ее с грохотом выронить ключи: «Зови меня Вольдемар...»

* * *

Спустя еще неделю Темку выписали домой. Лука стояла за углом здания больницы и смотрела, как суежилась рядом с братом мать: поддерживала его под руку, запахивала ему куртку... И с горечью понимала, что та уже давно не была с ней так ласкова. А ведь относилась к ней по-другому. Да, пожалуй, как раз до того случая с печкой. То ли мать, решив, будто она специально навредила брату, так и не смогла простить, то ли еще что, но именно оттуда и потянулась та самая покрытая коркой льда полоса отчуждения и непонимания между ними. Отец, всегда относившийся к детям ровно, с простой и уверенной любовью, к сожалению, редко бывал дома. Хотя кто знает, может быть, бывал бы чаще, все стало бы еще хуже?

Темку усадили в машину, мать с его костылями села с другой стороны, а отец вдруг задержался, оглянулся... будто почувствовал что-то. Лука прынула за угол, сглотнула ком в горле. Она позвонит ему... сама. Обязательно. Чуть позже!

— Прячешься от кого-то? — раздалось из-за спины, и застигнутая на месте преступления девушка подпрыгнула от страха и резко обернулась...

Позади стоял тот парень... Яр, кажется. Тот самый, что спас ее от поползновений Георгия, прости господи, Паршонкова — вот это имя она, похоже, запомнила надолго!

— Ты чего подкрадываешься? — придушенным голосом спросила Лука. — Напугал до смерти!

— Прячешься, спрашиваю, от кого? — переспросил Яр.

— Это неважно! — придя в себя, ощетинулась она. — Я же тебя не спрашиваю, какого

черта ты тут делаешь?

— Был в морге, — спокойно ответил парень.

Лука сглотнула.

Гаранин закинул на плечо свой гламурный рюкзачок и повернулся, собираясь идти. Спросил, чуть повернув голову:

— Ты куда? Могу подвезти.

Девушка думала лишь мгновение — уж очень на душе было погано, чтобы оставаться одной.

— Подвези меня к «Черной кошке», — она выглянула из-за угла, убедилась, что родители и брат уехали, — спасибо!

— За что? — удивился парень. Собственно, он уже уходил. Шел широко и размеренно, будто до машины был не один километр по степи.

Лука бегом догнала его.

— Что предложил подвезти.

— А... — непонятно ответил тот.

У него был старенький черный BMW с подозрительно широкими колесами. Внутри на истертых сиденьях лежали тонкие подушки с улыбочивыми смайликами, а на зеркале заднего вида висел смешной снеговик, нос у которого крепился к физиономии булавкой.

— Миленько, — констатировала Лука, оглянувшись, — даже, я бы сказала, чисто!

Яр покосился на нее, но спросил о другом:

— Найджел больше к тебе не клеился?

Она пожала плечами.

— Я его вообще с тех пор не видела.

— И хорошо, — покивал Гаранин и снова замолчал.

— А ты Муню откуда знаешь? — поинтересовалась Лука.

— А ты? — улыбнувшись уголком рта и глядя на дорогу, спросил он.

— Мы с ней на кладбище познакомились, — призналась Лука. — Она бабушку ходила навещать, а я... гуляла.

— На кладбище? — уточнил Яр.

— На кладбище! — прищурилась Лука. — А что, нельзя гулять на кладбище?

— Да нет, — он пожал плечами, — на городских гуляй, пожалуйста. Только помни, что ворота в семнадцать нуль-нуль закрывают. А вот от заброшенных держись подальше... Много там всякой дряни.

— Бомжи-наркоманы? — понимающе кивнула Лука. — Да, я понимаю. Правда, мне еще ни разу не доводилось бывать на заброшенном кладбище!

— Хочешь посмотреть? — глянул на нее блондин.

— Ты мне так и не сказал, откуда Муню знаешь, а уже на кладбище приглашаешь! — задумчиво протянула Лука.

— У нас с ней был роман, — улыбнулся Гаранин.

Лука как замороженная смотрела на его профиль. Улыбка неузнаваемо меняла лицо, будто откуда ни возмись появился за рулем другой, какой-то очень особенный человек...

— А потом Вит ее у меня отбил, говнюк, — засмеялся парень.

— И ты не в обиде? — уточнила Лука.

— Нет. — Он мотнул давно не стриженной шевелюрой. — Я вижу, им хорошо вдвоем. Пусть будут счастливы.

Лука вспомнила недовольный взгляд Виталия при ее знакомстве с Гараниным. Должно быть, рядом с ним он не ощущал безопасности для его с Муней отношений.

Она посмотрела в окно и с удивлением убедилась, что район вовсе незнакомый.

— А куда мы едем?

— Хочу показать тебе заброшенное кладбище... От города недалеко, на работу не опоздаешь, не бойся!

— А откуда ты?.. — начала Лука и замолчала.

В «Черной кошке» народу иногда бывало так много, что она сбивалась с ног. Могла и не заметить этого парня, тем более что он явно был из тех людей, которых и не заметишь, если они того не хотят!

Ехали молча. В машине было тепло, за окном сыпала снежная крошка, гоняла поземку под колесами. Лука пригрелась и задремала. Снился ей сиамский кот Вольдемар, с которым она играла в шахматы. Шахматы были в форме рыбок — золотых и черных, с пышными вуалевыми хвостами и выпученными глазами.

Кстати сказать, кот с того самого дня, как поселился у Луки, более не произнес ни слова. Ничего не сказал, даже когда Анфиса Павловна, спавшая, как все пожилые люди, чутко и проснувшись от звона уроненных Лукой ключей, обозвала его костлявым недоразумением. Лука тогда забыла, как дышать... А ну как выгонит домохозяйка непутевую жиличку, притащившую в дом животину? Но старушка только покачала головой и, взглянув на нее поверх очков, заявила:

— Корм будешь за свой счет покупать! Ну и чтобы не гадил, мебель не драл! Понятно тебе? — Последние слова она произнесла, глядя на кота и непонятно к кому обращаясь — к нему или все-таки к девушке.

Ответить за нее решил Бакс. Негромко мяукнул, будто согласился, и направился напрямик к Луке в комнату...

— Эй, просыпайся!

Кто-то тряс Луку за плечо. Просыпаться она не хотела — кот уже в прямом смысле съел несколько ее рыбок, а она ни одной! Но крепкая рука и трясла крепко, как грушу, ей-богу. Тихонько зашипев от разочарования — уж очень хотелось съесть у Вольдемара одну из рыбок! — она разлепила глаза.

Машина стояла рядом с полуразрушенным зданием — то ли сараем, то ли коровником. Позади, на обочине шоссе, повис на покореженном столбе указатель с почти стершейся надписью: «Клх. Красная Явь». Впереди располагались еще несколько покосившихся домов, один, когда-то добротный и большой, отличался от остальных почерневшими от следов пожара стенами и провалившейся крышей. За домами, прямо перед перелеском, торчала из земли старая часовенка без креста и, из кое-где присыпанной снегом земли, — кресты и надгробия.

Лука вылезла из машины и зябко потерла руки. В области явно было холоднее, чем в городе.

— Мерзнешь, что ли? — удивился Гаранин.

Не успела она ответить, как он снял куртку и накинул ей на плечи, оставшись в одной футболке грязно-зеленого цвета с изображением хамелеона в смешной шапочке.

— А ты? — удивилась Лука, с наслаждением кутаясь в нагретую теплом его тела вещь.

— Мне не холодно, — пожал плечами он. — Идем.

Хорошо, что снега почти не было, а земля уже подмерзла, потому обуви ничего не

угрожало.

Гаранин довел девушку до последнего покосившегося дома и остановился. Зброшенное кладбище выглядело не столько печально или устрашающе, сколько уныло.

— Ночью здесь несколько другая картина, — усмехнулся Яр, по-своему поняв вопросительный взгляд Луки. — Но ночью я бы тебя сюда не повел...

— Думаешь, испугаюсь? — поинтересовалась та.

— Давай сначала проверим, — чуть наклонил он голову, — посмотри!

Она вновь окинула взглядом погост. Три позеленевших от времени камня, надписи на которых уже не прочитаешь, какая-то яма в земле — явно треснувшая и обрушившаяся могильная плита, несколько потемневших от времени крестов, лишь один из которых стоял ровно и выглядел не просто добротнo, но даже богато.

— Посмотрела! И что?

— Нет, ты не поняла, — покачал головой Гаранин. — ПОСМОТРИ!

А вот теперь до нее дошло. Только как это сделать по заказу?

Лука прищурилась... Закрывает глаза... От усердия даже высунула кончик языка... Но ничего не получалось! Ни-че-го.

— Ну? — Гаранин заглянул ей в лицо.

— Я не могу... не умею... — призналась Лука. — То есть у меня иногда получается само по себе, а специально — еще ни разу.

— А почему тебя родители не научили? — удивился Яр.

— Потому что... — Лука запнулась, — мои родители оказались приемными, а о настоящих я ничего не знаю!

— Оказались... — пробормотал Гаранин.

Парень явно умел выделить из потока слов — главные.

— Мне однажды Муня через себя показывала, — спохватилась Лука. — Я ее за руку держала и видела все ее глазами. Может быть...

— Я не Видящий, — покачал он головой, — со мной так не получится.

— А кто ты? — пришла очередь удивиться Луке.

— Смотритель кладбищ, — засмеялся парень и вдруг, резко изменившись в лице, ткнул пальцем куда-то ей за спину: — О боже, там!

Похолодев, она обернулась... И сама не заметила, как перешла на периферическое зрение. Зброшенная деревенька расцвела всполохами — желтого, голубого, сиреневого... Краски были неяркими, медленно перетекали друг в друга, воронкой вились на одном месте. Зброшенное, спящее место, энергия которого не прибывает и не убывает...

— А теперь посмотри назад, — тихо, чтобы не спугнуть, сказал Гаранин.

Лука даже забыла рассердиться за то, что он напугал ее. Взглянула на кладбище и... обомлела.

Над могилой с крестом, сохранившимся лучше других, висело облако... Больше всего оно напомнило Луке радужный гель, что переливался внутри китайских игрушек-попрыгунчиков, жутко вонявших резиной. Иногда облако отплывало в сторону, делало круг вдоль видимой ему одному границы и возвращалось к кресту.

— Правее... — произнес Яр.

Правее располагалась та самая могила с разрушенной плитой. Под ней багровыми контурами угадывались два тела... Приглядевшись, Лука разобрала сочленения костей, лобастые черепа с глубокими глазницами, внутри которых тлели злые огоньки. Скелеты

лежали неподвижно, однако периодически принимались с усилием вытягивать конечности, скрежетать неплохо сохранившимися зубами и отталкиваться друг от друга.

— Кто это? — пересохшими от страха губами прошептала она.

— Костوماхи — сгнившие до костей мертвецы, которые имеют обыкновение бродить по кладбищу. Особого вреда не принесут, пальцем ткни — рассыплются в прах, но неподготовленного человека могут напугать до смерти!

— А оно? — она ткнула пальцем в белое облако.

— Претка — дух умершего, временно оставшийся у могилы.

Лука оглянулась. Как давно заброшена деревенька? Тридцать лет назад? Пятьдесят?

— Правильно мыслишь, — хмыкнул Гаранин. — Обычно они больше чем на сорок дней не задерживаются, а эта зависла... Или ждет чего-то, или ее держит что-то незаконченное.

— Она опасна? — уточнила Лука.

— Пока не начала изменять цвет, нет. У них, у духов, время — понятие относительное, а ожидание иногда может быть долгим, гораздо дольше среднестатистической человеческой жизни. Вот когда она перестанет быть светлой и радужной, тогда следует ее опасаться.

Девушка взглянула на говорившего. Он следил за преткой с легким прищуром, будто прикидывал — как скоро она начнет темнеть?

— Яр, ты медиум?

— Что? — удивился тот. — Боже упаси! Медиумы с ними общаются — это очень тяжело выдержать! Идем, а то на работу опоздаешь!

Гаранин развернулся и пошел к машине, показывая, что разговор окончен. Лука, в последний раз взглянув на печальную претку, поспешила за провожатым, гадая про себя, кто же он такой — не Видящий, не медиум... Да кто?

* * *

— Ма-а-ам! Мы пришли! — крикнула с порога Муня, снимая обувь.

Семен Семеныч уже крутился в холле, тыкался носом в сумки и натужно хрипел.

У Луки сегодня, в понедельник, выдался выходной, и она с подружкой отправилась в один из торговых центров — отметить первую официально полученную в клубе зарплату и посмотреть себе куртку потеплее. Зимние вещи остались дома, но возвращаться за ними девушка не собиралась, слыша в ушах памятный голос: «Здесь ничего твоего нет!» Будь она мудрее, давно простила бы эти слова. Если не приняла бы, то хотя бы поняла срыв матери! Но житейская мудрость слишком редко бывает свойственна импульсивным студенткам, с жизнью во всей красе особенно и не сталкивавшимся.

— Тебе надо взглянуть! — слышался в коридоре голос Этьенны Вильевны. Луке показалось или он звучал более взволнованно, чем обычно? — Эмма, я настаиваю! И вообще, сколько можно сидеть дома? Пора уже выбраться куда-нибудь!

Этьенна выглянула в коридор, кивнула и исчезла, тщательно закрыв за собой дверь.

— Пойдем в мою комнату! — подхватывая пакеты с обновками, позвала Муня. — Сейчас как вывалим все это на кровать, как примерим!

— Я есть хочу! — призналась Лука. — Гамбургер давно приказал долго жить!

— Организуем! — отозвалась Муня, одной рукой доставая зазвонивший телефон, другой открывая дверь в свою комнату, а ногой отодвигая с пути радостно прыгающий цеппелин с

хвостом. — Да?.. Девчонки, вы уже освободились? Давайте ко мне! Подумаешь, понедельник? Какие ваши годы, фу! Жду!

— Сейчас Всеславские заявятся, — блестя глазами, сообщила она Луке, — устроим девичник!

— По какому поводу? — удивилась та.

Муля пожалала плечами:

— Просто так! Пойдем, пиццу разогреем, нет, две!

Лука, поглядев с тоской на новую куртку, капюшоном выглядывающую из пакета, отправилась за подругой. Уж очень хотелось примерить...

Спустя полчаса пришли Оля с Юлей, принесли торт, фрукты и бутылку шампанского. На улице был сильный ветер. Глядя на улыбающихся сестер, раскрасневшихся, с одинаковыми блестящими голубыми глазами и растрепавшимися русыми волосами, Лука невольно позавидовала их красоте. Они и Муля казались выходцами из другого, волшебного мира, куда ей, Лукерье Должиковой, путь был заказан. Впрочем, мимолетное чувство быстро исчезло, потому что девчонки принялись дружно тормозить ее, заставляя примерить куртку. Все приобретенное Мулей тоже было рассмотрено, оценено и примерено. От хохота и девчачьих голосов дрожали стеклопакеты. Шампанское на голодный желудок — залог хорошего настроения и смеха без причины!

Семен Семеныч в примерках принимал деятельное участие, с удовольствием подставляя брюхо всем желающим его погладить.

В разгар веселья в комнату заглянула Этьенна в строгом сером костюме с меховой оторочкой. Окинула взглядом комнату и хохочущих девчонок, улыбнулась одними глазами и исчезла. Мопс побежал проводить ее до двери, а затем вернулся — добирать почесывания.

Вконец расслабившихся Всеславских Муля уложила спать в гостевой комнате. Лука оставаться наотрез отказалась:

— Прости, Мунь, у меня скотина дома некормленная! Вольдемар обижается, когда я забываю о нем, потом, гад, за ноги кусает!

— Вольдемар? — удивилась подруга. — Ты же вроде говорила, что хозяин его Баксом называл?

— Ну он же теперь у меня живет? — резонно заметила Лука. — Вот я и дала ему новое имя.

— Пойдем, провожу тебя до метро. — Муля вышла в холл. — Заодно проветрюсь и Семен Семеныча выгуляю!

Они неспешно шли по проспекту, по воле мопса останавливаясь у каждого дерева и фонаря.

— У тебя правда был роман с Гараниным? — неожиданно для себя самой спросила Лука. — Вы совсем разные!

Муля засмеялась. Легко и просто. Так не станет смеяться человек, отягощенный прошлым.

— Яр на самом деле ужасно романтичный и нежный, хотя и кажется... странным. Нам было легко вместе, а о будущем мы не задумывались... Затем появился Вит. Он упертый, ты же знаешь. Вбил себе в голову, что я — его женщина, и пошел напролом.

— А ты — его женщина? — заинтересовалась Лука.

— Не знаю, — пожалала плечами та, — он заботливый и внимательный, готов для меня звезду с неба достать, перспективный... Не знаю!

И она замолчала, со слабой улыбкой глядя на огни проезжающих мимо машин.

У метро подруги распрощались. Оглянувшись на высокую стройную фигуру Муни и семенящего рядом Семен Семеныча, смешно подрагивающего бубликом хвоста, Лука вспомнила, что забыла спросить у подруги — чем же он занимается, этот «ужасно романтичный и нежный» Гаранин?

* * *

Работа была в самом разгаре, когда Лука отметила неожиданную паузу в разговорах посетителей. Взгляды всех были обращены ко входу в зал, где стояли две дамы, в одной из которых девушка узнала Этьенну Прядилову. Вторая — высокая, бледная, с тяжелой копной черных как смоль волос — одета была в простое платье-футляр длиной до колена и короткое белое пальто с воротником из альпаки.

Из служебного помещения за стойкой показался хозяин клуба. Из-за смуглоты, волнистых напомаженных волос и внимательного взгляда карих глаз Лука про себя звала Евгения Петровича Меркулова «крестным отцом». За то время, что она работала в «Черной кошке», хозяин впервые вышел, чтобы встретить гостей.

Сопровождаемые Меркуловым и менеджером Андреем дамы поднялись на второй этаж. Андрей спустя несколько минут мухой слетел вниз, уцепил Луку, ждущую у стойки чека для клиента, и потащил на кухню.

— Давай, давай, давай быстро! Поднос, салфетку, два стакана с чистой водой!

— А...

— Аня за тебя рассчитает, быстрее, говорю!

— Что за спешка-то? — пробурчала Лука, расставляя на подносе стаканы и вазочку с алой розой, уже притащенную Андреем из кабинета Меркулова. — Кто та дама?

— Ты не знаешь? — Андрей едва не выронил бутылку с водой. — Это же Эмма Висенте! Ну иди, иди... Максимальная вежливость и внимательность, Лука, ты поняла? Иначе вылетишь из клуба и глазом не успеешь моргнуть!

Он еще и угрожает! Толком ничего не объяснил, а туда же!

Сердитая Лука попыталась максимально вежливо и внимательно улыбнуться клиентке, составляя с подноса на стол стаканы, вазочку и толстенные книжечки меню.

— Это Лука, подруга моей дочери, кстати, — пояснила Этьенна. — Лука, а что такое с розой?

Взглянув на цветок в вазочке, девушка опешила — тот почернел и засох. Вот-вот рассыплется в прах!

— Я... Я не знаю! Прошу прощения! — выпалила она, хватая вазу с проклятым цветком. — Немедленно заменю! Заказ сделаете сейчас?

— Мы немного подумаем, — ответила за Этьенну спутница низким, с хрипотцой, голосом.

У нее было бы совсем не примечательное лицо, если бы не неожиданная сила во взгляде серых глаз — от такого хотелось спрятаться куда-нибудь... в бункер.

Лука помчалась вниз и сунула растерянному Андрею вазу в руки, заплескав его щегольскую, на этот раз цвета лососинового брюха, рубаху.

— Это что такое? — свистящим шепотом спросила она. — Ты мне что за цветок

подсунул?

— Э-э-э! — растерялся тот, что, вообще говоря, было ему несвойственно. — А-а-а!

— Другой есть? — потребовала Лука. — За державу обидно!

— Нету! — расстроился менеджер.

Лука выглянула из-за занавески и лихорадочно оглядела зал... Рядом с Муней лежал букет шикарных бордовых роз. Вит часто баловал ее цветами.

Подлетев к подруге, она чмокнула ее в щеку, вытащила из букета один цветок и метнулась обратно.

Следовало признать, что бордовая роза гораздо больше соответствовала обстановке «сумеречного» зала, нежели алая!

Принимая заказ, Лука успела отметить простую, очень простую элегантность в одежде вызвавшей такой фурор у почтенной публики дамы. У клиентки не было ни браслетов, ни колец, ни яркого маникюра, а коротко подстриженные ногти делали ее руки похожими на руки школьницы. Зато на бархатистой ткани платья переливалась шикарная брошь-стрекоза с хрустальными крыльями. Наборные фасеточные глаза из самоцветных камней казались настолько живыми, что Луке стало не по себе.

Когда она вернулась к бару, Андрей строго-настрого приказал другими клиентами не заниматься.

— Пока дамы не уйдут — они твои! Чтоб каждые десять минут наверх — стол проверить.

— Может, мне просто там побыть? — удивилась Лука.

— Не надо! Госпожа Висенте не любит, когда у нее над душой стоят.

— Да кто она такая? — всплеснула руками девушка.

— Занят я, занят! Вон иди у Муни спроси, она не на работе! — отрезал Андрей и в спину напомнил: — Десять минут — и ап!

— Дрессировщик хренов, — фыркнула Лука и отправилась к своей компании, занимавшей привычный столик в углу под Раисой.

— Она вообще не меняется, — продолжил говорить, блестя глазами, Саня, когда обязательная процедура целования была закончена, — выглядит потрясающе! Вот это я понимаю — настоящая женщина!

— Это о ком? — уточнила Лука, поглядывая то на Андрея, появляющегося и исчезающего у стойки, то на лестницу, то на часы — а ну как пропустит указанный интервал?

— Ты же ничего не знаешь! — опомнилась Муня. — Мама и Эмма Висенте — давние подруги. Эмма — одна из самых сильных ведьм, таких всего тринадцать, и вместе они составляют Большой Ковен Сестер Равновесия, негласное правительство магического мирового сообщества. Она ведет замкнутый образ жизни, почти никуда не выходит. Маме удается ее вытащить куда-нибудь, по-моему, раз в пять лет! Увидеть ее — большая редкость!

— Некоторые неадекватные личности даже называют это счастливой приметой! — усмехнулся Димыч. — Так что считай, Лука, тебе повезло!

Лука вздохнула и отправилась наверх. Да уж, повезло так повезло!

Дамы заказали легкие салаты и кофе, наверное, после шести не позволяли себе пищи, вредной для талии. А вот шалость в виде сигареты — вполне. Когда Лука в очередной раз поднялась в Сумеречный зал, под потолком висело облако дыма, принявшее облик летящего под парусами корабля. Клиентки развлекались, гоняя его от стены к стене или заставляя

разбиваться о риф — стоящего неподвижно у входа огромного мужчину в строгом костюме и черном галстуке. Откуда он здесь взялся, Лука понятия не имела — когда принимала заказ, дамы были одни, по лестнице никто не поднимался.

— Принесите нам еще кофе, милая девушка, — попросила Эмма Висенте, накрывая руку Луки своей, — и карамели побольше!

И так она это сказала, что Луке тут же тоже захотелось кофе с карамелью. «Закончится этот безумный день — попрошу Макса сварить мне большой латте и добавить туда карамели! — размечталась она. — Возьму его и пойду домой... Может быть, Вольдемара угощу!»

Кот отличался разносторонними предпочтениями в еде — ел не только сухой корм, который хозяйка исправно насыпала ему в керамическую миску с изображением рыбной кости, но и свежие огурцы, мандарины и даже курагу. Отчего бы всеядной сиамской твари не попробовать латте?

Пробыв в «Черной кошке» чуть больше часа, дамы ушли, оставив сказочные чаевые. «Шкаф» в костюме из зала не выходил, однако, когда Лука пришла убирать стол, его там не оказалось. Чудеса, да и только!

Так она и сказала Максиму перед закрытием, ожидая, пока он сварит ей кофе.

— Мир состоит из чудес, — подмигнул ей бармен, — счастлив тот, кто может их наблюдать... И знаешь, у каждого из нас есть своя мечта о чуде!

— И какая же у тебя? — поддержала игру Лука.

— Ты видела когда-нибудь цветок папоротника?

— Нет... Подожди, он же вроде не цветет!

— Это сказки для простых ботаников! Цветет, Лука, цветет — и еще как! Только не везде и не для всех! Считается, что цветок этот открывает клады и исполняет любые желания! А тот, кто увидит его хоть раз, никогда его не забудет!

— И есть те, кто видел?

— Среди наших сверстников нет... А вот среди старших Хранителей есть — ходят такие слухи уже некоторое десятилетие. А слухи на пустом месте не возникают!

Лука пожалала плечами и приняла от бармена высокий пластиковый стакан с кофе.

— Красиво, наверное, — сказала она, — только я не верю... До завтра!

— Пока! — ничуть не обидевшись, улыбнулся Макс. — Бабуле привет!

Латте коту понравился. Вылакав блюдце, он столбиком сел рядом, обвил аккуратно составленные лапы черным хвостом, зажмурил голубые глазищи и громко заурчал.

— Ненасытная ты скотина, — ласково сказала Лука, подливая ему еще кофе, — гад ушастый!

Вольдемар боднул ее головой под колено, отчего она едва не упала, и занялся блюдцем.

А Лука сходила в душ и завалилась спать. Под закрытыми веками в зеленой горсти папоротника распускался огненный цветок, похожий на большую бабочку, горел, прогоняя тьму, боль и горе. Встреть она такое чудо, о чем бы попросила? Наверное, найти настоящих родителей...

* * *

Это случилось, когда Лука шла из магазина. Словно шагнула из темного коридора в ярко

освещенную комнату. Мир засиял разноцветными пятнами, от которых стало больно глазам. Толпа на улице перестала быть толпой. В это мгновение Лука могла сказать, как кого зовут, сколько кому лет, есть ли у них дети и вырезан ли аппендикс. Знание обрушилось на разум, будто стена, пригвоздив девушку к месту. Она стояла на проходе, шедшие мимо люди толкали, ругали ее, ворчали — Лука не слышала.

Вон та женщина давно и безнадежно больна, но не сдаётся — кормит уличных голубей и кошек и верит в лучшее. И может быть — может быть! — у нее все получится!..

Тот мужчина на днях развелся с женой, не знает, как жить дальше, хотя рядом есть женщина, готовая сделать его счастливым!..

А тот парнишка мечтает об айфоне...

И та девчонка...

Ни фиги себе, как их много, оказывается, айфонутых!

Девушка, прошедшая мимо...

Лука моргнула, и мир зашевелился.

На другой стороне улицы мелькнула знакомая брезентовая куртка...

Незнакомка уходила вперед — красивая, стильно одетая, в ботильонах на тонких каблочках... С ней что-то было не так, но Лука не могла понять что, потому что у нее резко закружилась голова, стало сухо во рту, а руки затряслись с такой силой, что она выронила сумку с продуктами. И расширившимися зрачками следила, как та, будто в замедленной съемке, летит на асфальт. Прощайте, яйца! Два десятка!

Неожиданно появившаяся в поле зрения мужская рука успела схватить пакет. Кто-то крепко обнял Луку, не давая упасть. Краем глаза она увидела, как незнакомка садится в шикарный черный лимузин, остановившийся у обочины, и уезжает, а затем подняла взгляд на лицо... Ярослава Гаранина.

— Пойдем, вон кафе, — лаконично сообщил он и потащил ее ко входу в кафе.

Луке было так плохо, что хотелось прямо здесь и сейчас лечь на асфальт и умереть.

— Большой американо и шоколадку, быстро! — приказал Гаранин официанту.

Тот метнулся исполнять заказ с такой скоростью, будто увидел говорящего тигра.

Спустя пару минут Гаранин заставлял Луку пить обжигающий кофе и заедать горьким шоколадом. Несмотря на обожженные язык и небо, девушка почувствовала себя гораздо лучше. Исчезла ужасная дурнота, навалившаяся там, на улице, головная боль свилась в кольцо, буравя висок, но не всю голову.

— Что... Что со мной было? — спросила она заплетающимся языком, когда смогла разговаривать.

Яр внимательно посмотрел на нее, прикинул что-то, полез в свой чудесный рюкзачок и достал флакон из темного стекла. Отвинтил крышку, капнул несколько капель бесцветной жидкости в кофе.

— Выпей залпом, я сейчас еще закажу.

— Но...

— Пей, я сказал!

Спорить с ним она не решилась. Сейчас у него было совсем другое выражение лица — не сонное, не непонятное, а сосредоточенное, в чем-то даже хищное. Будто он увидел в ней нечто, с чем следует разобраться немедленно, иначе будет поздно!

Кофе показался более горьким, чем обычно. В голове что-то тоненько засвистело, как чайник, выпускающий пар, и боль растворилась окончательно. Руки тоже перестали

трястись.

Испуганный официант поставил перед ней еще один американо.

— Выпей весь, но уже можешь не торопиться, — пояснил Гаранин.

Расслабился, откинулся на спинку диванчика, на который сел рядом с Лукой.

— Там была девушка, — вспомнила та высокий силуэт на каблуках, — с ней случится что-то плохое... Сегодня... В полночь!

Перед глазами вспыхнул изломанный руной силуэт на рельсах... сломанный каблук.

Лука подняла полные ужаса глаза на собеседника и прошептала:

— Яр, что со мной? Почему я это вижу? Я не хочу... Не хочу!

Последние слова она выкрикнула. Гаранин встрепенулся, выпростал руку, обнял девушку, притянул к себе, заставив уткнуться лицом ему в грудь. Мышцы под тонкой футболкой с изображением на этот раз какого-то ползучего гада казались стальной плитой.

— Тихо, тихо... Это твой Дар, он просыпается. Чем он сильнее, тем тяжелее с ним справиться! Хорошо, что я тебя увидел на улице, успел подойти.

Силуэт сломанного человеческого тела истаивал, стирался в памяти, оставляя ощущение отчаяния и тоски. Вдыхая запах практически незнакомого ей человека, Лука впервые в жизни плакала навзрыд. Оплакивала ту, что должна была этой ночью умереть.

* * *

В тот день Лука на работу не пошла: Яр из кафе позвонил Муне, Муня — Андрею, и тот милостиво позволил официантке отдохнуть один день за свой счет. Затем Гаранин вызвал такси, усадил в него подопечную и распрощался, убедившись в том, что девушка домашний адрес помнит и по дороге в обморок не упадет. Что бы он ни накапал ей в кофе, действовало оно эффективно. Лука больше не чувствовала той страшной, туго свитой пружины внутри, не видела выматывающих картин изнанок чужих жизней, но слабость была такая, что дрожали ноги. Приехав домой, она сообщила Анфисе Павловне через дверь о подцепленном вирусе, налила себе кипятка в термос и закрылась в своей комнате в компании с котом. Вольдемар, видимо, понимал, как плохо новой хозяйке, потому что был необычайно ласков, терся мордой о ее лицо и все укладывался ей на плечо, грея ухо с жаром доменной печи. Когда Луке надоело переключать его в ноги, она задремала, щекой ощущая шелковистый и горячий кошачий бок. Снилось ей недоигранная партия в рыбок. Зубастая тварь, несправедливо именуемая котом, по-чеширски улыбалась со стула напротив, наблюдая, как Лука раздумывает над неизвестными ей правилами игры.

— Когда чего-то не знаешь, попробай понять самое простое, — промурлыкал кот. — Например, в этой игре самое простое — как я ем твоих рыбок! — И он тут же закинул в пасть одну из золотых рыбок.

— Как? — растерялась Лука.

— Просто бер-ру и ем! — мурлыкнул кот. — Делай ход!

— Ах так! — возмутилась девушка и одну за другой съела сразу пять рыбок с кошачьего поля.

— Умр-р-румница, — покивал Вольдемар. — А теперь задай себе вопрос, почему ты меня слышишь? И найди на него самый простой ответ!

Как Лука ни старалась, ответ не находился. Видимо, понятия о логике у кошачьих и

прямоходящих в корне различались.

Проснулась она от ощущения прохладной ладони на лбу. Мама всегда садилась рядом, когда она болела, клала ладонь ей на лоб, и та была узкой, прохладной и твердой... Шевельнулось в сердце чувство, очень похожее на надежду, что все с той памятной ночи — не более чем сон...

— На-ка, выпей, иллюминация, — услышала Лука ворчливый голос Анфисы Павловны, — вся горишь!

Старушка помогла ей приподняться и напоила каким-то пахучим травяным отваром, от которого Луку сразу бросило в еще больший жар. Довольный теплом Вольдемар громко урчал.

— Подруга твоя обзвонилась... — продолжала ворчать домохозяйка. — Ты уж прости, но на последний звонок я не выдержала — ответила, а то жужжит и жужжит телефон, будто комар мерзкий! Сказала, скоро будет — с лекарствами, апельсинами и Саней в придачу. Кто такой Саня? Ее парень?

Лука с трудом разлепила запекшиеся губы:

— Наш друг, целитель.

— Дело хорошее!

Анфиса Павловна замолчала, но не ушла. Сидя на краю дивана, на котором лежала Лука, задумчиво гладила довольного кота по голове, чесала под подбородком. Вольдемар задирает голову, отчего были видны острые белые клыки, торчащие из-под верхней губы. Вылитый Дракула!

— Мне Макс рассказывал о цветке папоротника, — прошептала Лука. Теперь ее бросало то в жар, то в холод, как при высокой температуре. На мгновение она даже поверила в то, что подцепила вирус, но вспомнила ощущение потери, накрывшее, когда она смотрела на садящуюся в машину незнакомку, и перестала думать об ОРВИ. — Мол, он желания исполняет... Разве такое может быть?

Старушка непонятно хмыкнула, помолчала, глядя в окно на ранние сумерки.

— Знаешь, иллюминация, а я ведь его видела однажды!

— Не может быть! — Лука даже приподнялась на локте, но тут же упала обратно на подушку.

— Правда, — как-то... мечтательно улыбнулась Анфиса Павловна.

— А желание? Желание загадали?

— Рано было... Он еще не расцвел. Бутон такой, размером с детский кулачок, черный, тугой, как шишка нераскрывшаяся, а внутри будто угли тлеют. Свет от них... теплый. Смотришь и понимаешь, что все будет хорошо! На Ивана Колдовского это было... Ночь, когда вода и огонь вступают в священный союз, наша ночь, ночь стихийников. Хотя ее все Хранители празднуют, мы — более остальных. Купание и прыжки через костер других очищают от дурных помыслов, а нам дают силу на год вперед. Сейчас-то сложно стало правильное место найти, а раньше, в какой лес ни зайди на Купалу — расцвечен кострами, воды венками из цветов украшены... Девушки травы целебные собирали до рассвета, росой умывались... Букеты из нарванных ночью цветов под подушку клали. Любились с парнями на берегах водоемов, под плеск волн...

Анфиса Павловна замолчала. Лука замороженно следила за ней. Блеклые от старости глаза пожилой дамы осветил волшебный свет, словно шедший изнутри. Свет памяти. Что она видела в эту минуту? Кого в воспоминаниях обнимали ее руки? Какие слова так и не были

произнесены?

— А потом? — шепотом спросила Лука, боясь спугнуть это мгновение.

— На следующую ночь мы вернулись за ним, но не нашли, — мечтательно улыбнулась Анфиса Павловна, — наверное, кто-то нас опередил!

— И вы не жалеете?

Домохозяйка строго посмотрела на нее.

— О чем жалеть, иллюминация? Коли не пошел цветок в руки, значит, не судьба! Вещи такой силы от начала времен свою волю имеют, и не нам, людям, ее оспаривать! Звонит кто-то!..

В дверь действительно трезвонили изо всей силы.

Спустя несколько минут на пороге комнаты показался спасательный десант — Муня, Саня и Юля Всеславская.

— Анфиса Павловна, вот конфеты к чаю, вот апельсины, — говорила Муня, обернувшись к оставшейся в коридоре хозяйке, — можно я Луке соку свежего сделаю?

— Соковыжималка-то есть у меня, — отвечала та, — пойдём на кухню. Хорошо бы еще морковного добавить!

— Ну-ка, ну-ка, — Логинов тронул тыльной стороной ладони лоб Луки, отдернул, затряс, будто обжегся. — Ой-й! Пошел мыть руки!

— Ты чего разболелась? — поинтересовалась Юля, увидела лежащего за Лукой Вольдемара и всплеснула руками. — А это у нас кто?

Кот сел, внимательно глядя на гостью.

— Какой шикарный котик! Лука, можно его погладить?

— Гладь, — слабо улыбнулась та. От образовавшейся в комнате суеты у нее опять заболела голова.

Юля протянула к коту руку, тот прижал уши, но поглаживания стерпел. Затем, дернув недовольно хвостом, утек под диван большой бежево-черной каплей.

— Скажи: а-а! — с порога заявил вымывший руки целитель. — И давай я тебя послушаю! Свидетели утверждают, что у тебя ОРВИ! Это очень опасное заболевание, если вовремя не вылечить!

Лука только головой покачала. Смеяться сил не было.

— Я тебя не щупаю! — уточнил Саня, кладя одну руку ей на горло, а другую — на спину. — Это я на всякий случай, чтобы ты не заехала мне по морде...

Он замолчал, будто прислушивался к чему-то. Затем убрал руки и неохотно отодвинулся от Луки. Выражение лица у него было озадаченное.

На пороге появилась Муня со стаканом свежавыжатого сока.

— Ну что, Авиценна? Жить будет?

Подойдя, подруга чмокнула Луку в макушку и сунула ей в руки стакан.

— Давай пей! Не холодный!

Спорить с ней было бесполезно, это Лука уже знала, поэтому молча выпила сок.

— Ребята, идите чай с конфетами пить, — позвала с кухни Анфиса Павловна.

— Вы с Юлей идите, — махнул рукой Саня, — а я полечу ее и присоединюсь. Только конфеты все не слопайте!

Девушки ушли.

— Простуда у тебя и правда начиналась уже... — заметил Логинов. — Но чувствуешь ты себя погано не поэтому. Сама не догадываешься?

— Дар? — спросила Лука, внимательно глядя на него. — Это мой Дар дал о себе знать?

— Именно... Сильное проявление, однако! Раньше такого не было?

Вновь вспомнив, как мир вдруг заволочло ужасом и тоской, Лука отчаянно замотала головой. ТАКОЕ с ней было в первый раз!

— И как он проявился? — не отставал Саня.

— Как... Как у Видящей... — пробормотала Лука, ощущая, что окончательно запуталась в происходящем.

А как же стихии, что открылись ей одна за другой? Вода — в луже, земля — в головастике из глины, огонь — в печи и воздух — чуть не убивший Темку? Муня говорила, что она, Лука, сможет видеть что-то, но не так ясно, как сама Прядилова. Однако Лука знала, что в тот момент воспринимала все куда четче, чем тогда, когда подруга впервые показала ей периферический мир.

— Тебе надо отлежаться пару дней, — покачал головой целитель. — Я попрошу Димыча занести тебе зелья для скорейшего восстановления. Не бойся, они безвредны, просто помогут быстрее справиться как с начинающейся простудой, так и с упадком сил после Проявления. Поспи, — Саня дружески потрепал ее по плечу, — а я пойду конфеты доедать, пока девчонки все не слопали! Завтра загляну к тебе, ок?

Лука кивнула. Легла на бок, завернулась в одеяло. Спустя пару минут после того, как Логинов ушел на кухню, в ногах ощутимо потяжелело. Вольдемар, несмотря на свойственную породе стройность, весил немало. Жар от кошачьего тела утягивал в сон. С кухни доносились смех и голоса друзей, звон посуды, шум воды. И под эти звуки, обещающие, что все будет хорошо, Лука уснула.

Она провалялась с температурой всю неделю. Пришлось вызывать врача и брать больничный, чтобы на работе оплатили хоть что-то. Брат звонил каждый день, ругался нехорошими словами на ногу, что пока не давала ему выходить из дома.

— Я ж тебе должен кило аписинов привезти! — вопил он в трубку. — Иначе что это за болезнь? Без аписинов?

Лука тихо смеялась — Темка и в детстве никогда не называл апельсины — апельсинами. Только «аписинами».

На следующий день после визита Муни и остальных зашел Димыч. Раскланялся с Анфисой Павловной, подарил ей последний номер журнала «Караван» и заглянул к Луке в комнату, постучав по дверному косяку.

— Можно к тебе, болезная?

Лука, лохматая, красная от жара, с поволокой в опухших глазах, встретила его замученной улыбкой.

— Свят-свят-свят! — воскликнул Димыч, скидывая рюкзак и выставляя на стол литровый термос и несколько пузырьков. — Вылитая баньши! Только стриженная!

Девушка наморщила нос и ничего не ответила, с интересом следя за его действиями. Он отвинтил крышку от термоса, налил в стаканчик какой-то мутной жидкости — по комнате сразу распространился сильный травянистый запах, затем поочередно накапал в стакан зелий из разных пузырьков и в довершение всего сыпанул белого порошка, отмерянного на кончике ножа. Поднес стаканчик Луке.

— Выпей. Послезавтра приду, снова намешаю, а то еще ошибешься в дозировке. Старайся спать и чистой воды пить побольше. Сильно тебя Даром приложило, хочу заметить, но мы и не с таким справлялись! Хорошо, что Яр тебя на улице подхватил. А то наверняка в

обморок бы прямо там шлепнулась!

— Он что-то рассказывал? — слабо спросила Лука, с подозрением косясь на стаканчик.

Димыч пожал плечами.

— Гаранин у нас не сильно разговорчивый парень. Только то, что тебе стало плохо на улице, а он это увидел, напоил тебя кофе и отправил домой на такси.

— Вы давно знакомы?

— Лет пять, наверное. С тех самых пор, как он с Муней гулял. И потом, он мой постоянный клиент.

— Клиент? — удивилась Лука.

Зажмурившись, выпила, наконец, зелье, у которого оказался мятный вкус с горчинкой.

— Ну да, — Димыч, улыбаясь, отнял стакан. — Работа у нас, у алхимиков, такая. Зелья да тинктуры магические варить.

Лука ощутила, что ее опять утягивает в сон.

«И какие зелья покупает у тебя Ярослав Гаранин?» — хотела было спросить она, но сама не заметила, как отрубилась.

* * *

За прошедшую неделю в «Черной кошке» ничего не изменилось. Все так же загадочно мерцала зелеными глазищами Райса с панно на стене, официанты в бордовых передниках и галстуках бегали по залу или болтали у стойки, ожидая, пока бармены сварят кофе клиенту или намешают коктейль, постоянные посетители сидели за любимыми столиками.

Лука чувствовала себя совершенно здоровой, вот только иногда ловила на ощущении, что, сама не замечая как, переходит на периферическое зрение, узнавая о людях тайны, к чему вовсе не стремилась. Ей очень хотелось поговорить об этом с Муней, а еще лучше — с Этьенной Вильевной, но для первой она пока не находила слов, а вторую побаивалась. А вдруг скажет, что с ней, с Лукой, что-то не так? Что Дар неправильный? Как-то не слышала она пока о ведьмах и колдунах, у которых было бы сразу несколько «магических специализаций»!

Знакомая троица здоровяков появилась в клубе около полуночи, заняла пустующий столик в углу. Заказали пиво и креветок в остром соусе — для начала. Пока девушка протирала столик, раскладывала салфетки, прислушивалась к беседе:

— Все, как я и предполагал, братцы. Помните, про Брянск рассказывал? Про кладбище вскрытое? Ну вот, как полнолуние началось, полезло оттуда всякое... Но самое плохое — уже есть два трупа. Сторож со стройки и мужик какой-то, что с собачкой вышел погулять после полуночи...

— Адрианыч, контракт объявили? Какова сумма?

Тот, покосившись на Луку, одними губами назвал сумму. Не было произнесено ни слова, только вот она будто наяву увидела цифры — пятьсот тысяч.

— Не хило! — присвистнул тот самый бородач, что делал у нее заказ в прошлый раз, Петр. — На мелочь не тянет...

Адрианыч откинул крышку с телефона, покопался в папках, открыл одну из картинок. И снова Лука увидела то, что он показывал только товарищам — на подмерзшей земле четко угадывался трехпалый нечеловеческий след.

— Оп-паньки! — сипло сказал третий из здоровяков. — Редкая птица по нынешним временам! А что, контракт уже выкуплен? Втроем можно было бы...

— Перехватили, — мрачно поморщился Адрианыч, — одиночка взял.

Лука, как ни вытирала старательно стол, как ни поправляла салфеточки, пепельницу и картонные подставочки под бокалы, вынуждена была отойти к бару. Здоровяки и так уже косились на нее с подозрением!

Ей ужасно хотелось окунуться в этот волшебный мир по самую макушку, понимать тайные смыслы, заложенные в простых, казалось бы, словах... Но пока не получалось. Лука понимала, что ей не хватает знаний. Жизнь сама подталкивала к этому пониманию, и постепенно в ней зрела решимость поговорить с Анфисой Павловной о занятиях. Останавливало лишь безденежье — после новой куртки и недели на больничном зарплаты должно было едва-едва хватить дожить до следующей!

Вольдемар встретил хозяйку на пороге. Толкал головой, мурчал, тянул к ее лицу лапы. Взяв на руки длинное хвостатое тело, она вышла на кухню и остановилась у окна. Слабый снежок едва побелил двор, освещаемый фонарями. На деревьях неопрятными тряпками висели побуревшие листья. За одну из веток зацепился полиэтиленовый пакет и бился на ветру, похожий на маленькое привидение. Лука вспомнила претку на кладбище. Как, должно быть, тоскливо дефилировать вокруг собственной могилы, ожидая чего-то... Неправильно это! Те, кто уходят, должны уходить, а не задерживаться на пороге! Ощущение неправильности вдруг стало таким острым, что у нее заныло сердце. Будто сквозь ночную темноту и расстояние заблудшая душа кричала безмолвно, прося о помощи...

Вольдемар тронул лапой ее щеку, напоминая о себе любимом и пустой миске.

Лука сморгнула. Где-то на краю сознания все еще слышался этот вопль, полный боли и отчаяния. Она спустила кота на пол и полезла в шкафчик за кормом. Привидится же такое!

Но на сердце было тяжело.

* * *

С домохозяйкой она все-таки поговорила.

— Точно решила? — уточнила та, глядя на нее поверх очков, чем ужасно напоминала строгую, но справедливую училку. — В ведьмовство вступают единожды, как в Лету! Назад дороги не будет, зато у тебя появится куча новых обязательств и ответственности. Ты к этому готова?

Лука легкомысленно махнула рукой, даже не сомневаясь, что справится. Вон с самостоятельной взрослой жизнью справляется же? Даже пару зачетов сдала в универе!

Анфиса Павловна только головой покачала. Прекрасно понимала, каким простым кажется понятие «ответственность» для молодого неокрепшего ума. Что ж... Жизнь научит.

Теперь каждый день, без праздников и выходных, в любую погоду, Анфиса Павловна занималась с Лукой на кухне, а иногда на улице — в маленьком скверике позади дома.

— А с чего мы начнем? — поинтересовалась ученица в самом начале обучения. — С какой стихии?

Анфиса Павловна задумчиво стянула с седых волос гребень, нацепила обратно.

— Любая стихия, иллюминация, в опытных руках будет опасна или спасительна. Вода разрушает здания не менее огня, смерчи губят людей и посевы так же, как грязевые сели...

Но у каждого стихийника есть своя любимая вотчина, иногда две. У меня, например, это огонь и воздух. Из этих двух с чего ты сама хотела бы начать?

— С огня! — воскликнула Лука.

Мысль о подчинении стихии, едва не убившей брата, была неприятна. Да, она понимала — это случилось по ее, Луки, воле, точнее, безволию... Но легче от этого не становилось.

Во время первого занятия Анфиса Павловна положила между ними на стол коробок спичек.

— Стихийник работает с любым носителем — от деревянной палочки неандертальца до газовой горелки. Мастеру-стихийнику носители не нужны. Он умеет получать огонь из окружающего мира. Однако новичку лучше начинать с естественного носителя стихии, да и... — она усмехнулась, — газовой горелки у меня нет! Поэтому будем учиться зажигать спички!

Выражение лица сидящей напротив девушки стало скептическим.

— Зажги спичку, — улыбнулась Анфиса Павловна, — как умеешь, так и зажги.

Лука взяла в руки коробок, достала спичку и, ощущая себя полной идиоткой, чиркнула головкой спички о бочок коробка. На деревянной палочке заплясал огонек. Домохозяйка тут же его задула. А затем сделала мягкое движение рукой — и пламя вспыхнуло снова, сильно и ярко, едва не обожгло Луке пальцы. Зашипев не столько от боли, сколько от неожиданности, она уронила спичку на стол. Та потухла, еще не упав.

— Оно бы тебя не обожгло, — покачала головой старушка, — вспомни, сама мне рассказывала про огонь в печи! Давай снова... Не выпускай спичку, даже когда пламя коснется кожи!

Но Лука выпустила... Детские воспоминания казались далекими и тусклыми, а здесь и сейчас рефлексы кричали, что ей будет больно, очень больно. Лишь на пятый раз у нее получилось сдержаться и просто смотреть, как догорающая на ладони спичка превращается в скрюченную палочку, мажущуюся золой.

— Хорошо! — сказала Анфиса Павловна. — И на этом сегодня все. Будешь ложиться спать, постарайся вспомнить, как ты перестала бояться огня. Это очень важно!

Занятия с ведьмой-стихийницей были недолгими по времени, неутомительными и напоминали Луке какую-то игру, правил которой она пока не понимала, но старалась им следовать. «Если тебе что-то не ясно сейчас, — заметила как-то Анфиса Павловна, — это не значит, что будет не ясно всегда. Слушай. Запоминай. Думай. Пытайся находить связи между вещами. Стремись их УВИДЕТЬ!»

Спустя два дня с начала занятий Лука научилась снимать пламя со спички и держать на ладони, не давая ему угаснуть. Спустя еще несколько — перекидываться с учительницей огненным шариком. Тут, правда, без эксцессов не обошлось — пострадала занавеска, куда девушка слишком сильно запульнула огненный снаряд. Едва успели погасить. Кухню пришлось проветривать, открыв окно настежь и держа на руках вырывающегося Вольдемара, который хоть чихал от запаха горелой ткани, но отважно рвался на подоконник. За увлекательными занятиями Лука даже не заметила, как прошла неделя. В воскресенье вечером, когда народу в клубе было полно, она снова увидела за столиком в углу знакомую троицу «культуристов». Уже зная их вкусы, сразу прихватила нужное пиво и сухарики с креветками, обжаренными в чесночном соусе.

— Да ты ж моя красотуля! — восхитился бородач, которого остальные называли просто Петром. — Сейчас я тебе скажу, кого мы соизволим сегодня съесть!

Пока он проглядывал меню, она терпеливо стояла рядом, держа карандаш наготове, а сама прислушивалась к привычно тихому разговору Адрианыча с третьим членом компании.

— Слышал уже, кто брянский контракт взял? — спросил тот.

— Нет, — удивился Адрианыч, — ты же знаешь, тайну имени запрещено раскрывать. Мне тогда удалось узнать только, что одиночка это был... Честно говоря, самоубийца какой-то!

— Это... — склонившись к его уху, он одними губами прошептал имя.

Петр, просматривающий меню, вскинул удивленный взгляд, пробормотал: «Во дает парень!» — и снова погрузился в изучение блюд с мангала.

Лука стояла ни жива ни мертва. В устах этих троих слово «контракт» звучало так, словно они подразумевали что-то жуткое. Но самое ужасное было в том, что произнесенную фамилию она знала!

— Ходят слухи, он вообще за любую работу берется! Даже за самую грязную! Ничем не брезгует! — покачал головой Адрианыч. — Его хоть видел кто-нибудь после?..

— Я не видел! — не отрываясь от меню, сообщил Петр.

Лука в очередной раз поразила его «кошачьему» слуху.

Она едва дождалась прихода в клуб друзей. Отозвала Димыча под удивленным взглядом Муни и заинтересованным — Сани и выпалила:

— Как давно ты видел Яра?

— Не видел, но неделю назад он Муне насчет тебя звонил!

— А ты его видел? С тех пор — видел?

— Так, — Димыч посерьезнел, — выйдем-ка подышать. Не нравится мне твое выражение лица!

Луке оно тоже не понравилось — мельком взглянула на себя в зеркало, пока поднимались с Димычем по лестнице в Сумеречный зал и выше — на продуваемую ветром пустую крышу. Тут она рассказала ему о подслушанных разговорах — и в прошлые разы, и в этот. И о фото, что увидела в телефоне Адрианыча.

Алхимик как-то резко помрачнел. Теперь Луке не нравилось не только свое выражение лица, но и его.

— Сейчас я сделаю пару звонков знакомым, может, кто-то с ним общался за эту неделю, — пояснил он, доставая смартфон, — ну а если нет... Нехорошо! Очень плохо!

Предчувствуя неприятности, Лука сбежала вниз. Андрей встретил ее недовольным взглядом, но ничего не сказал.

Хотьков спустился через некоторое время, поймал Луку, бегавшую по залу с подносом.

— Его никто не видел... И это плохо! Надо съездить к нему домой!

— А ты знаешь, где он живет?

— У Муни есть адрес.

— Возьми меня с собой? — попросила Лука. — Только я работаю до трех... Но завтра выходной!

Алхимик что-то прикинул.

— Давай я за тобой заеду после работы? Если все так, как я предполагаю, то есть плохо, понадобятся мои зелья. Я как раз за ними съезжу и вернусь к трем. Идет?

Лука тронула его за плечо.

— Спасибо, Димыч! Ты такой хороший!

Тот вдруг поцеловал ее в щеку и, засмеявшись, потрепал по плечу.

— Жаль, ты не в моем вкусе, Лука! Из нас вышла бы отличная пара — я, такой хороший, и ты, такая хорошая! До встречи!

* * *

Димыч ездил на серебристом «Сузуки Гранд Витара». В теплом салоне Луке сразу же захотелось спать, однако провалиться в сон не давало нервное возбуждение и какой-то детский страх. Перед чем, она не могла понять. Так она боялась, когда была маленькая, темноты под кроватью, пыльного чердака на даче, заставленного старыми, крытыми чехлами предметами мебели, крика совы из леса...

Мотор машины гудел ровно и успокаивающе. Димыч поглядывал на Луку, неестественно бледную, расширившимися зрачками следящую за дорогой, молчал. Наконец не выдержал. Притормозил, достал с заднего сиденья щегольской кожаный рюкзак, бросил спутнице на колени:

— Достань термос... Там кофе.

Она послушно отвинтила крышку, разлила ароматный напиток по крышечкам-стаканчикам.

— Ты с семьей видишься? — спросил вдруг Димыч.

Лука чуть не выронила стаканчик.

— Муня говорила, у тебя проблемы с ними, ты ушла из дома. Это правда?

— Правда... — помолчав, ответила она. — Я с ними не вижусь...

— Скучаешь?

Девушка повернулась к нему.

— Дим, почему ты спрашиваешь?

Он замялся — видно было, что смутился. Характерным жестом поправил на переносице поттеровские очки.

— Видишь ли, мои предки живут в Европе, уже лет шесть как... И меня зовут переехать. Я окончил химико-технологический, пока учился, о переезде речи не было. А теперь не знаю, что делать. По ним ужасно скучаю! Они у меня хорошие... Но и уезжать не хочу. Вот и спросил, как ты... одна. Как справляешься?

Лука отпивала мелкими глотками кофе и думала о том, что благодарна парню за искренность и это смущение. Действительно, жаль, что она не в его вкусе! Покосилась на него. Он смотрел на дорогу. Губы сжаты, желваки напряжены. Ждет ответа. Действительно ждет!

— Я справляюсь! — твердо сказала Лука. — Как тебе объяснить... Я вдруг поняла, что могу делать все сама. Принимать решения. Покупать продукты. Планировать расходы. Нести за кого-то ответственность. Раньше это было мне не нужно. Я поняла, как это для меня важно — ни от кого не зависеть! Но... — она закрыла термос крышкой и убрала в рюкзак, — но ты прав, Дим. Я скучаю по ним... Вот только мы плохо расстались. И я не знаю, как теперь все исправить!

Собеседник вздохнул.

— Вот и я не знаю, как им сказать, что уезжать не хочу! Придумываю отговорки... А еще, знаешь, боюсь, что встречу какую-нибудь классную девчонку, а она со мной будет только для того, чтобы уехать туда!

Лука почесала в затылке. Девчонки, они разные бывают!

— А ты не говори! — оживилась она. — Вот до свадьбы и не говори?

— А потом? — поморщился Хотьков. — А если это будет ее заветная мечта — уехать? И

она как узнает, начнет меня уговаривать?

[Купить полную версию книги](#)